

Алексей Дэлль-Василевский

«ПОЩАДИТЕ ТИРАНОВ!!!»

Пьеса в двух действиях по мотивам романа Генриха Бёлля:

«Бильярд в половине десятого».

Действующие лица:

Генрих Фемель – Отец.

Роберт Фемель – Сын.

Йозеф Фемель – Внук.

Леонора – секретарша Генриха.

Иохен – смотритель отеля.

Старуха Блесик – «овечья жрица».

Генерал Кестерс.

Неттлингер – бывший агент гестапо, ныне – офицер американских спецслужб, явившийся за Робертом.

Директор отеля.

Гуго - портье отеля.

Марианна – невеста Йозефа.

Наташа – беженка с Украины.

Ганс,

Фриц,

Юрген, - друзья Йозефа

Представители левой, а также правой оппозиции.

КАРТИНА 1

Бильярдная Роберта:

«РОБЕРТ – ГУГО».

В углу бильярдной – Гуго: юноша с очень красивым лицом, в форме портье.

РОБЕРТ.

Моцарт писал на зелёном сукне, Гуго. Он слушал, как бьются шары.

Что ж, чтобы сделать всех вокруг одинаково счастливыми – отказавшись от правил, давно отказавшись от счёта – белым во вторую лузу.

Бьёт.

Нет, Гуго. Нет, друг мой. Шар растворился в зеленом тумане. Значит, кто-то из нас с папой был неискренен. Ну, прости нам это, Гуго, спишем флирт на наш зрелый возраст...

Ещё удар... (*Бьёт*).

Есть. Белый шар, как единственная звезда прокатился легко и тихо, словно музыка без мелодии, слышишь, Гуго? Живопись без образов, почти без цвета, одна только голая форма... И хлопнулся в свою могилу... Персональную.

И ты, мой бедный мальчик, стоишь в стороне, прислонясь как всегда к двери, к белой полированной двери, и руки ты заложил как обычно, за спиной.... Правда, Гуго?
(Оборачивается.)

Гуго? Где ты, Гуго?

Роберт оборачивается, Гуго нет.
Он вновь бьёт по шару.

КАРТИНА 2.

Холл отеля:
«ИОХЕН – НЕТТЛИНГЕР»

ИОХЕН.

Ты кто такой?!

НЕТТЛИНГЕР.

То есть как? Вы забыли? Это я, ваш лучший друг, и я давненько вас здесь поджидаю, старец. Короче: мне нужен Роберт Фемель. Срочно. Немедленно. По служебным делам.

ИОХЕН.

Тебя-то он точно не желает видеть.

НЕТТЛИНГЕР.

Во-первых, мне доподлинно известно, что он здесь, а во-вторых, если вы, почтенный старец, произнесёте ещё хоть слово...

ИОХЕН
(оглядывается).

Господин директор... Господин директор. Да где же он, чёрт бы его не видал?

НЕТТЛИНГЕР.

В том-то и дело, почтеннейший. Мы здесь одни.

ИОХЕН.

Похоже на то. (Доверительно.)
Не желаете ли осмотреть древнеримские детские гробницы? Я даже покажу вам парочку черепов.

НЕТТЛИНГЕР.

Нет, дорогой мой, не желаю. Если я и захочу увидеть чей-то череп, то только Роберта Фемеля, но так, что бы он был на месте и со всеми причиндалами: ушами, губами, языком, и желательно, мозгами. Сигару, старец?

Иохен внимательно рассматривает оказавшуюся у самого его носа сигару.

ИОХЕН.

Ах! «Партагас Эминентес»...

КАРТИНА 3.

**Холл отеля:
«ИОХЕН – НЕТТЛИНГЕР – ДИРЕКТОР»**

Буквально «из стены» возникает Директор.

ДИРЕКТОР
(Иохену).

Ну, как сегодня?

ИОХЕН.

Как обычно.

ДИРЕКТОР.

Почему ж ты не пел, старик?

ИОХЕН.

На похоронах по третьему разряду не поют.

ДИРЕКТОР.

Ты как всегда безжалостен в своём суровом приговоре, старик. Ты – насмешливый князь подземелья, Иохен. Подойти и спросить: «Ну, как же ваш труп, мистер?» – это уже на грани кощунства. Ты забываешь о репутации отеля.

ИОХЕН.

Уж кто о ней ни на секунду не забывает, так это я, господин директор. Этот кретин у входа по фамилии Неттлингер пятнадцать минут дышал мне в нос своей четырёхмарковой сигарой и предлагал кредитку лиловую, господин директор, лиловую! Иохена нельзя купить ни за какие деньги, а уж ему и подавно; не многих любил я в своей жизни, но молодой Фемель мне по душе. Уж если он желает ежедневно играть сам с собой в бильярд с половины десятого до одиннадцати, и держать при этом рядом с собой Гуго, то уверяю вас: он будет играть и никакая фигура ему в этом не помешает, и старик Иохен об этом позаботится, будьте уверены, господин директор, да, да будьте уверены!
Ему надо было бы почуять, что деньги были совершенно неуместны, когда дело касается меня...

ДИРЕКТОР.

Постарайся забыть про себя, старик Иохен, и давай хотя бы сегодня ухитримся обойтись без скандалов, не забудь: шестого сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года у господина тайного советника день восьмидесятилетия, я собираюсь устроить в его честь солидный фейерверк, и это не последний из сюрпризов, надеюсь, для него приятных... (Подходит к закрытой двери.) Как будто кого-то не хватает, Иохен.

ИОХЕН.

За этой самой дверью покоится наш незабвенный генерал Кестерс, господин директор.

ДИРЕКТОР.

Покоится?

ИОХЕН.

Нет пока, я просто к тому, что он неплохо сохранился, почти как я, неправда ли?

Они открывают дверь, освещают генерала свечами – тот сидит неподвижно при полном параде и смотрит перед собой, с пулемётом во рту.

Оба во тьме постепенно продвигаются к Неттлингеру.

ИОХЕН
(Директору).

Вы уже различили его?

ДИРЕКТОР.

Кого?

ИОХЕН.

Да, Боже мой, Неттлингера. Вон он сияет во тьме. Когда-то я слышал это имя, да и лицо его напоминает мне что-то, что я поклялся не забывать!

Это имя я слышал много лет назад и сказал себе: «Иохен, запомни его, возьми его на заметку!» Но теперь я не знаю, что хотел запомнить.

НЕТТЛИНГЕР
(запускает руку из темноты, останавливает Иохена, захлопывает дверь с Кестерсом)

Лиловую кредитку, старец. Лиловую.

Летит лиловая купюра.

КАРТИНА 4.

**Бар отеля:
«ГЕНРИХ – ЛЕОНОРА»**

Во главе длинного стола – Генрих Фемель, рядом – Леонора.

ГЕНРИХ.

Выпейте мартини, Леонора. Прошу вас. В этом одноимённом со мной заведении откуда-то добывают превосходный мартини.

ЛЕОНОРА.

Простите, господин тайный советник, но я не могу: ваш сын не любит запаха мартини.

ГЕНРИХ.

В самом деле? А я никогда не отличал запаха мартини от запаха коньяка. Знаете, Леонора, на дано. Но зато дано отличать по запаху приличную сигару от...

КАРТИНА 5.

Бильярдная: «РОБЕРТ – ГУГО». Роберт Фемель целится кием по шару, рядом с ним Гуго. Бьёт, забивает.

РОБЕРТ.

Кстати, Гуго, принеси, пожалуйста, коньяку. Двойную дозу. А то запахло Кубой, сразу тянет на коньяк.

ГУГО.

Слушаюсь, господин доктор.

РОБЕРТ.

И ещё: перестань меня, пожалуйста, называть господином доктором.

ГУГО.

А... как же мне вас называть, господин доктор?

РОБЕРТ.

Не знаю, сынок. Придумай что-нибудь.

ГУГО.

Слушаюсь, господин доктор.

КАРТИНА 6.

Бар.

Генрих Фемель и Леонора.

ГЕНРИХ.

Боже мой, наконец-то я узнал, что такое настоящая сигара, милочка... Почему мне пришлось так долго жить, до самого моего восьмидесятилетия?

ЛЕОНОРА.

Правда, почему? Почему, господин тайный советник?

ГЕНРИХ.

Ну, милочка, ради Бога, только не это. Только не «господин тайный советник». В этом есть что то полугофмановское.

ЛЕОНОРА.

Хорошо, я что-нибудь придумаю.

ГЕНРИХ.

Ну, конечно, скорее всего, вы умудритесь меня не назвать никак... Ибо призрак заслужил того, чтобы он пребывал собственным памятником. Ну, вот ещё, чего вы так разволновались, конечно же, мне сегодня стукнуло восемьдесят. Ах, так значит, не вы сегодня послали мне цветы по поручению Роберта?

ЛЕОНОРА.

Да, это я, только безо всякого поручения. Это вам от меня...

Пауза.

ГЕНРИХ.

Господин тайный советник.

ЛЕОНОРА.

Я, пожалуй, выпью мартини, Генрих. Так лучше?

ГЕНРИХ.

Спасибо, милочка. Вы не возражаете, если я буду называть вас милочкой?

ЛЕОНОРА.

По-моему, вы меня всегда так называли, Генрих.

ГЕНРИХ.

Серьёзно? Что ж, это всего – на всего старость.

КАРТИНА 7.

Холл:

«ИОХЕН – НЕТТЛИНГЕР»

Холл. У входа те же – Иохен и Неттлингер. Та же позиция – старик нюхает сигару, Неттлингер явно устал её держать.

ИОХЕН.

Боже мой, Боже мой, ну и табачок! Четыре марки, четыре марки! Теоретически я бы мог выпустить навстречу твоей «Партагас эминентес» дым из моей трубочки, набиваемой чёрным табачком, но... я сам себе хозяин, друг мой, с одним единственным ограничением: здесь, внизу, Директор не рекомендует мне курить, так что можешь поцеловать меня в лиловый от воспоминаний зад, Роберта Фемеля я тебе всё равно не продам.

НЕТТЛИНГЕР

(нюхает сигару).

Да чёрт с ним, с табаком, курить вредно, равно, как и не курить. Меня другое поражает: со многими деятелями я беседовал вот так, с глазу на глаз, и никто до сих пор не продержал меня так долго в дверях, и никто, слышите, старец, никто не называл меня до сих пор на «ты». Поздравляю. И табачок, согласитесь, отменный, или вы – ненормальный, а я - не немец, преисполненный чувства собственного достоинства, впрочем, как и все немцы.

ИОХЕН.

Чёрт побери! Неужели я опять подумал вслух и, возможно, обратился к тебе на «ты»?

НЕТТЛИНГЕР

(закуривает).

Да, кстати. Как вы смеете?

ИОХЕН.

Как я смею? Что же, я старик, никто не видел мою метрику, и я, бывает, заговариваюсь, у меня небольшой склероз, я малость, впал в детство и нахожусь поэтому под защитой...

НЕТТЛИНГЕР.

Пятьдесят первого параграфа.

ИОХЕН.

Его самого! (*Орёт.*) А если ты закажешь себе глазунью и если твой заказ придёт на кухню, когда я буду там, я сочту за особую честь лично плюнуть на сковородку. Ты получишь моё объяснение в любви, так сказать, «о натюрель», смешанное с растаявшим маслом. Не стоит благодарности, милостивый государь!

НЕТТЛИНГЕР.

А вы, случаем, не француз? Помните триумфальную арку и наш парад? Бивали мы французов. И раз, и два.

КАРТИНА 8.

Бар:
«Генрих, Леонора»

ГЕНРИХ.

Да, о чём бы я не говорил, о ком бы я не вспоминал, всегда всё заканчивается Робертом. Чем он занимается, Леонора, что он делает каждое утро с половины десятого до одиннадцати в бильярдной «Принца Генриха»?

ЛЕОНОРА.

Я не знаю, что он там делает. В самом деле, не знаю, по-моему, он там играет в бильярд.

ГЕНРИХ.

С Гуго?

ЛЕОНОРА.

Нет, он там играет сам с собой.

ГЕНРИХ.

Понятно. Ну и влетит же вам, Леонора. Насколько я знаю Роберта, он не любит, чтобы нарушали заведённый им порядок. Хотите, я с ним поговорю?

ЛЕОНОРА.

О, нет, спасибо, Генрих, не надо.

ГЕНРИХ.

Но, детка, он и так вам ничего не сделает, будьте покойны. Он и мальчишкой был такой же – внимательный, вежливый, разумный, корректный, но только пока кто-то не переступал известных границ...

ЛЕОНОРА.

Простите, Генрих... Напомните мне: мы переступали известные границы?

ГЕНРИХ
(не слышит).

Когда кто-то переступал известные границы, он не знал пощады... Он не остановился бы и перед убийством, я его всегда немного побаивался...

ЛЕОНОРА.

Вы?!

ГЕНРИХ
(не слышит).

Семья Фемелей знакома со смертью, мы с ней накоротке, дитя моё...

КАРТИНА 9.

Лестница:
«ГУГО – ДИРЕКТОР»

Лестница. Гуго спешит в бильярдную, и налетает на Директора.

ДИРЕКТОР.

Ты куда?

ГУГО.

Двойная порция коньяка в бильярдную для господина доктора, господин директор.

ДИРЕКТОР.

Из-за твоего доктора заварилась хорошая каша.

ГУГО.

Как так?

ДИРЕКТОР.

Я ещё сам толком не знаю. Кажется, кому-то срочно понадобился твой доктор. Что вы там делаете?

ГУГО.

Я – ничего, как всегда. Приношу господину доктору коньяк, иногда хожу в лавку за сигарами. А что?

ДИРЕКТОР.

Ничего, не обращай внимания. Пока ещё служба отеля не донесла ещё о чём-то страшном.

ГУГО.

Служба отеля? Какая служба?

ДИРЕКТОР
(отвлёкся).

Что? Иди, иди, а то тебя настигнет Овечья Жрица, я уже слышу, как лестница прогибается под её тощими копытцами...

КАРТИНА 10.

Лестница:
«ДИРЕКТОР – БЛЕСИК»

Гуго уходит, с верхнего этажа спускается старуха Блесик, Овечья Жрица.

БЛЕСИК.

Ну? Как мы спасаем мир, господин директор?

ДИРЕКТОР
(без видимого раздражения.)

Овечьей кожей, овечьей шерстью, овечьим молоком и вязанием, в чём же ещё.

БЛЕСИК.

А в чём блаженство мира?

ДИРЕКТОР.

А здесь и размышлять нечего, сударыня, разумеется, в овце.

БЛЕСИК.

Я вами восхищена, господин директор. Не прошло и ВРЕМЕНИ, как вы смогли-таки усвоить две столь простые истины.

ДИРЕКТОР.

Надо быть очень большим идиотом, чтобы их таки не усвоить, ибо, куда ж от неё деться, от истины? В третье место не денешь.

БЛЕСИК.

Деться вам, разумеется, некуда совсем не от истины, молодой человек. А от сказочного персонажа, который за завтраком пьёт чистую желчь.

ДИРЕКТОР.

Что за страсти такие, мадам.

БЛЕСИК.

Это ваш сумасшедший Иохен кому-то говорил про меня, мне донесла служба информации отеля.

ДИРЕКТОР.

Что ещё за служба, мадам? Впервые слышу.

БЛЕСИК.

Да будет вам, молодой человек. Куда вы дели Гуго?

ДИРЕКТОР.

Он на работе, мадам.

БЛЕСИК.

У меня достаточно денег, чтобы купить весь этот ваш вонючий отель вместе с вами, службой информации и сумасшедшим генералом со старомодным пулемётом во рту. Я бы перенесла всю эту историю в другое место, прихватив с собой даже старшего Фемеля, болтающего в баре с секретаршей Фемеля среднего, медленно сходящего с ума в бильярдной; я бы сделала это, если бы этого пожелал Гуго, но он, видите ли, не желает.

ДИРЕКТОР.

Нет мадам, не желает. Как видно деньги пока еще решают не всё.

БЛЕСИК.

Я и не говорю, что деньги должны всё решать, но деньги плюс вера – это уже кое что... Неужели ему никто не говорил, что его лицо – золото, чистое золото, глупый мальчишка? Если бы он захотел, я бы сделала его агнцем божьим в моей новой религии... Он стал бы знаменит и богат, все падали бы перед ним ниц в самых шикарных отелях...

ДИРЕКТОР.

Насколько я знаю людей, мадам...

БЛЕСИК.

Вы не знаете людей, молодой человек, потому что вы смотрите на них снизу, в крайнем случае с боку – с той стороны, с которой можно приложить к виску пистолет, вы знаете не людей, а процесс их ухода. На самом деле, надо бороться не с ними, а их тоской, тоску же людскую можно разогнать только какой-нибудь новой религией, при одном единственном условии.

ДИРЕКТОР.

При каком условии, мадам?

БЛЕСИК.

Надо непременно уничтожить религию старую.

ДИРЕКТОР.

А, понимаю, понимаю. Борьба за стойбища. Дабы хватало кормов мирной и невинной овце, надо вначале пустить на колбасу старого, но буйного ещё буйвола. Маленькая деталь: при всей своей любви к прихожанам вы хоть и падаете до скотины, но ведь и прихожане для вас – чистый силос. Правда, скучающий. Тоскливый. Тоскливый силос. «Как можно было вам спуститься с горных пастбищ – к таким кормам!» Англичане умели бумагу марать, правда? Правда, это было давно.

БЛЕСИК

(с противоположного портала).

Да не так уж и давно.

Старуха легко возносится вверх по лестнице и распахивает перед Директором дверь двенадцатого номера, где со своего кресла тут же вскакивает генерал Кестерс в полной амуниции.

КЕСТЕРС

«Покуда немецкие рощи растут,
Покуда немецкие флаги цветут,
Покуда немецкое слово звучит,
Не будет наш Гинденбург нами забыт!!!»

Старуха хлопает дверью, за ней слышен звук падающего тела.

БЛЕСИК.

Меня больше всего убивает, что он делает ударение на слове «наш». Я должна отомстить за осквернённые уста немцев, слышите, вы! Неужели он никогда не умрёт?

ДИРЕКТОР.

Кто? Генерал Отто Кестерс?

БЛЕСИК.

Нет, тот, кто живет его. Гинденбург. Неужели мы будем вечно видеть на почтовых марках этого буйвола, чьё имя стало для немцев всем? Вы достанете мне ружьё?!

ДИРЕКТОР.

Нет, Мадам.

БЛЕСИК.

Но почему? Я должна вам кое-что сказать: мне кажется, нас прокляли, если «Причастие буйвола» Гинденбурга было и есть нам больше всего по вкусу, нас заколдовали, есть только одна возможность освободиться: нам надо отпустить последнего генерала. Хочу ружьё. Хочу ружьё; Господь сказал мне: «мне отмщение аз воздам». Но разве я не могу стать орудием Господа?

ДИРЕКТОР.

Нет. Такая Война кончилась, мадам.

КАРТИНА 11.

**Бильярдная:
«Роберт и Гуго».**

ГУГО.

Я принёс коньяк, господин доктор.

РОБЕРТ.

Спасибо, Гуго. Хорошо, зови меня, как хочешь. В конце концов, всё это пройдёт само собой.

Как ты думаешь, Гуго, познал ли ты чувство вечности?

ГУГО.

Вечности? Нет... не знаю.

РОБЕРТ.

Но почему? Разве так уже не было всегда, разве сто лет назад ты не стоял так у этой двери, залажа руки за спину?

ГУГО.

Дверь, по-моему, та же, надо спросить у Иохена, но я тогда не стоял.

РОБЕРТ.

Ты ошибаешься, Гуго...

Может быть, это был и не ты, но, поверь мне, это был ты... А здесь, на моём месте, уже тогда был я и никто другой... Так будет всякий раз, пока башня святого Северина будет своими часами отбивать одиннадцать.

Но даже башня – миф... Она есть, но её могло и не быть... Единственная реальность – это три бильярдных шара, которые катаются по зелёной промокашке... На двух квадратных метрах в тысячах образов рождается бесконечность... И голос мой теряется в глубине времён...

Выпивает коньяк, забивает шар.

Есть, сынок. Шар ложится так, как он лёг сейчас раз в десять лет. Только тогда, когда истина рождается без мук.

ГУГО.

Вы мне сегодня так ничего и не расскажите, господин доктор?

Пауза.

РОБЕРТ.

Я и так болтаю без умолку, сынок. А ты, Гуго? Расскажи мне сегодня ты что-нибудь.

ГУГО.

Хорошо. Вы знаете, что такое война? Я ведь даже не знал, что недавно была война. Когда я ходил по кладбищу и видел там слова «пал», то думал, что покойники, похороненные под этими плитами, упали мёртвыми.

РОБЕРТ.

Агнец божий... *(Смеётся.)* Агнец божий... Эта Овечья Жрица вовсе не такая уж и дура, она тебя моментально вычислила, Гуго. У тебя не только лицо, у тебя и сердце ангела. Всё правильно, Гуго, каждый упал под свою плиту, всё просто до идиотизма. Так оно и было. Мой брат, мой родной брат Отто упал под свою плиту под Киевом.

ГУГО.

Где?

РОБЕРТ.

Есть такой городишко на Украине. Он там сгорел. Он понял, что такое война до конца, он понял это на собственной шкуре.

Вилли – серьёзного, не улыбающегося расклейщика плакатов, поглотило Чёрное море между Одессой и Севастополем, его обглоданный скелет погрузился на дно и лежит там среди водорослей и тины; Бамберга, безгрешного друга моей юности Бамберга сожгли в газовой печи, правда свои – это война, это тоже война, Гуго, он стал пеплом, пеплом без золотых зубов, а у него были такие крупные сверкающие золотые зубы... Иногда мне кажется, что все они здесь...

Только потому, что здесь я. Ну, уж в такой крохотной милости я не могу им отказать, правда?

Ровно как я когда-то не смог отказать себе в удовольствии не принимать «Причастие Буйвола» и не орать «С Гинденбургом вперёд!»

Улыбнись, мальчик, когда ты улыбаешься, у всех этих сказочных бабусь начинаются судороги. Не могу сказать, что предсмертные, ибо оные уже давно случились.

Гуго смеётся.

Хорошо, парень, хорошо. Всем смертям назло, как поётся в одной русской песенке. Мне как-то написал о ней мой брат Отто...

Наш общий папа сейчас совсем близко от нас, и никак не даёт выйти на работу моей секретарше.

ГУГО.

Вы очень сильный человек... Вы очень сильный человек, господин доктор...

РОБЕРТ.

Да! Я никому не позволял усомниться в этом, на это ушла, можно сказать, вся жизнь. Если не помогали кулаки, то в ход шли бомбы.

КАРТИНА 11

Бар:

«Генрих Фемель и Леонора».

ГЕНРИХ.

Смейтесь, смейтесь, Леонора, вы так заразительно смеётесь, вам это известно? Когда-нибудь меня обязательно отольют в бронзе, вы должны при этом непременно присутствовать и смеяться, так же, как сейчас... Ведь я, Леонора, и сейчас не больше, чем памятник, а памятники не могут причинить зла, и я, старый дурак, всё ещё хожу сюда каждый день есть свой сыр с перцем, хоть мне это давно опостылело, но я считаю своим долгом не разрушать в глазах современников легенду обо мне: я собираюсь учредить сиротский приют, если бы я был чуть посмелее, я бы учредил, разумеется, богадельню, поселил бы туда Генерала, Иохена, и поселился бы туда сам.

ЛЕОНОРА.

То, что вы об этом подумали, с вашей стороны уже поступок, Генрих. Правда, правда.

ГЕНРИХ

(тускнеет).

Спасибо за кофе, Леонора. Простите за столь чувственную исповедь, однако любезности такой старой развалины, как я, не должны вас смущать.

ЛЕОНОРА.

Генрих, к чему это кокетство, вы же понимаете, что я не из общества спасения. Я всё же женщина.

ГЕНРИХ.

Всё же? Что значит всё же, Леонора?

ЛЕОНОРА.

Потому что я девчонкой прошла через все ужасы войны, господин тайный советник. Маленькой девчонкой. Ужасы в самом худшем смысле этого слова. То есть местечко, где я оказалась, то самое место на Эльбе, оказалось на русской территории. Так что ситуация меня тоже, если можно так выразиться, «умудрила», и я в состоянии понять, что вы сильный человек. Гораздо более сильный, чем ваш сын.

ГЕНРИХ.

Что вы, милочка! Я мнил себя сильным, хотя вовсе им не был; другое дело, я не могу избавиться от того, что мне дано от Бога – я просто могу влиять на людей: все генералы, настоятели, епископы были только статистами, и только я один выступал соло, и даже когда пел в хоре; дирижёр, размахивающий палочкой, не подозревал, что он подчиняется палочке моей; все наперебой приглашали меня на всякие официальные торжества, и Мессершмидт, шептал мне на ухо: «Общество, мой молодой друг, - истинная услада жизни». И я с кислым видом улыбался, давал себя хлопать по плечу, прекрасно при этом понимая, что миф обо мне должен был возникнуть прежде, чем разразиться скандал...

Леонора рассматривает Генриха.

КАРТИНА 12.

Холл.

У дверей – Иохен и Неттлингер.

НЕТТЛИНГЕР.

Надеюсь, старец, вы не будете вынуждать меня устроить скандал?

ИОХЕН.

Скандал? Взгляни на мой арийский череп и уймись. По этому черепу прохаживался циркулем сам Гессе, он мне тогда уже сказал: с таким черепом, крепким, как грецкий орех, любая нация непобедима.

НЕТТЛИНГЕР.

Как видно, он ошибся. Как выучила нас мудрая история, не в черепе, оказывается, дело, мой добрый, крепкий старец.

ИОХЕН.

А в чём?

НЕТТЛИНГЕР.

В грудях черепов.

ИОХЕН.

Во всяком случае, я уверен – если человеку хоть раз в жизни что-то замерили, то он не склонен к ссорам. Так что решим вопрос мирно: Роберта Фемеля я тебе всё равно не сдам. Пусть спокойно играет себе в бильярд, хотя я лично нашёл бы для него более подходящее занятие: доставать с какого-нибудь дна скелеты партии, или собирать по печам пепел партии, или, на худой конец, пусть делает то, что делал в юности: бросает бомбы, чтобы у таких мерзавцев, как ты, земля горела под ногами.

НЕТТЛИНГЕР.

Вот это да! Послушайте, старец, мне всё меньше и меньше хочется внутрь, я уже, честно говоря, просто боюсь. Единственное, что меня удерживает от того, чтобы не развернуться и не броситься прочь, а то и вовсе не пустить себе пулю в лоб, так это нормальное человеческое любопытство. Вы не возражаете? Я остаюсь. Можно? *(Протягивает под нос Иохену крупную купюру.)*

ИОХЕН

(едва не падает).

А! Ой. «Не поможет богатство в день гнева».

НЕТТЛИНГЕР.

Посмотрим.

ИОХЕН

(понижает голос).

Тебя бы наверняка стошнило, если бы ты узнал, что он успел натворить на своём веку, тебя бы рвало до самой твоей кончины, если бы ты увидел тот фильм, который показывают в день страшного суда, - фильм о его жизни; он из тех молодчиков, которые приказывали выламывать у мертвецов золотые коронки и отрезать волосы у детей.

ПАУЗА.

НЕТТЛИНГЕР.

Что такое? Почему прервались?

ИОХЕН.

Я старик и мне надо иногда переводить дыхание!

Неттлингер берет Иохена за талию и встряхивает его со всей силы.

НЕТТЛИНГЕР.

Ну? Как дыхание?

ИОХЕН.

Нормально! *(Выхватывает купюру.)* Чего вылупился?

НЕТТЛИНГЕР.

От истинного восхищения, старина!

ИОХЕН.

Ты хочешь спросить, был ли он коммунистом? Не знаю, пусть даже так, каждый порядочный человек хоть раз в жизни, но побывал коммунистом!

Словно призрак, возникает из тьмы Директор.

ДИРЕКТОР.

Что такое? Где это вы обнаружили в нашей тихой обители коммунистов, господин Неттлингер?

НЕТТЛИНГЕР.

Да не я, господин директор, а ваш неунывающий старец. Он сказал, что самый главный коммунист играет сейчас в бильярд и никак не хочет меня к нему пропустить побеседовать о видах на этот самый коммунизм.

КАРТИНА 13.

Бильярдная. Роберт, Гуго.

ГУГО.

Вы... убивали, господин доктор?

РОБЕРТ

(отрывается от стола).

Что, Гуго? Прости, я прослушал.

ГУГО.

Я спросил, воевали ли вы?

РОБЕРТ.

Лучше сказать – участвовал в войне.

ГУГО.

А что вы делали?

РОБЕРТ.

Я был подрывником, Гуго. Это тебе что-нибудь говорит?

ГУГО.

Да, я видел взрывы в каменоломнях за Денклингеном.

РОБЕРТ.

То же самое делал и я, Гуго, только я взрывал не скалы, а сначала линкоры, потом, - всё, что плавало, и подворачивалось под руку, а потом – я выполз на сушу. Снял команду с корабля, переключился на храмы. Этого я ещё никому не рассказывал, сынок, можешь оценить.

ПАУЗА.

ГУГО.

Храмы? Зачем?

ПАУЗА.

РОБЕРТ.

Я архитектор, Гуго.

ГУГО.

Но я всегда думал, что архитекторы строят... А не взрывают.

РОБЕРТ.

В этом-то и состоит уникальность моей военной профессии, сынок. Я их никогда не строил, я их только взрывал... Проще говоря – расчищал от куполов путь к небу. Знаешь, что такое сектор обстрела? Нет?

Роберт целится из кия, как из винтовки.

Если бы я захотел стрелять в мост, что позади башни святого Северина, то церковь лежала бы в моём «секторе обстрела», в таком случае её надо было бы взорвать немедленно, сейчас же, без промедления!

А то бы я не мог стрелять в мост, уверяю тебя, Гуго, я бы взорвал святой Северин, хотя знал, что наш бравый генерал Кестерс сумасшедший, хотя знал, что «сектор обстрела» в данном случае – сушая чепуха, ведь если стрелять сверху, понимаешь, то тебе не нужно никакого «сектора обстрела», и, в конце концов, даже до самых тупоумных генералов должно было прийти, что за последние полвека изобрели самолёты... Но наш генерал был сумасшедший, он был не меньший сумасшедший, чем нынче, только сейчас это никого не

волнует, а тогда я обеспечил ему этот «сектор обстрела»: у меня в части собрались хорошие ребята – моряки, подводники, физики, архитекторы, и мы взрывали всё, что попадалось нам по пути, нам, ребятам, как выразился один русский писатель «знакомыми с морскими бурями», всё, что нагородили на суше, омываемой со всех сторон водой, всё это действовало на нервы.

Единственное, о чём я жалею...

КАРТИНА 14.

Бар. Леонора, Генрих.

ЛЕОНОРА.

Роберт.

ГЕНРИХ.

Что...? Как вы меня назвали, милочка?

ЛЕОНОРА.

Мне показалось, я слышала голос Роберта.

КАРТИНА 15.

Бильярдная.

Роберт. Гуго.

РОБЕРТ.

Вот так, Гуго.

ГУГО.

А продолжение у этой истории будет, господин доктор?

РОБЕРТ.

Ещё какое, сынок. Под конец мы взорвали одно величественное сооружение: собор, конюшни, монашеские кельи, усадьбу – целое аббатство, Гуго, оно находилось как раз между двумя армиями, немецкой и американской, и я обеспечил немецкой армии «сектор обстрела», который ей был совершенно ни к чему; ты спрашивал, сынок, не убивал ли я, так слушай: стены падали к моим ногам, на скотных дворах ревела скотина, монахи проклинали нас, они забивались в церковные подвалы и не выходили от туда уже больше никогда, и ничто не могло меня остановить, я взорвал аббатство святого Антония в Киссатале, взорвал за три дня до окончания войны...

Единственное, о чём жалею...

Единственное, о чём жалею, что не взорвал тогда эту чёртову башню, которая указывает нам путь в ад...

Пауза.

При это я был корректен, дружок, неизменно корректен, такой же, каким ты привык меня видеть.

Припадает к столу, бьёт, три шара одновременно влетают – каждая в свою лузу.

РОБЕРТ

Есть много, друг Горацио...

Знаешь. Что такое «точка Ла-Гранджа?» Это –то самое место, где гравитация Земли имеет силу гравитации Солнца. Выходит, Галилей – и правда безбожник. Мракобес. Центр Вселенной – Земля, а не Солнце. Это сюда стаскиваются пираты со всей Вселенной, потому что водичка – только здесь. Чистая вода. Святая. Инквизиторы были правы. Ну, а мы отомстили за Коперника, потому как до сих пор эта самая точка, - плод фантазий. Её ещё никто не ставил. Как она появится, - мы уж как-нибудь прочувствуем.

КАРТИНА 16

Бар. Леонора и Генрих.

ГЕНРИХ.

Да, Леонора, в сорок пятом году я увидел эту грудку развалин и задумался, хотя был спокойнее, чем, по-видимому, ожидали, монахи. Я повёл себя достаточно корректно, Леонора, корректно к самому себе, в конце концов, на войне как на войне, из всего того, что я строил, погибло не одно только аббатство. Чего они, собственно, хотели от меня: слёз возмущения?

ЛЕОНОРА.

Они искали виновного?

ГЕНРИХ.

Виновного искало гестапо, оно во все времена ищет и находит виновных – по своему усмотрению, но зачем, милочка? Я отдал бы двести аббатств, лишь бы вернуть моего погибшего сына Отто, я бы отдал их за то, чтобы вернуть хоть кого-нибудь.... Наверное, та грудка обломков была тем непредвиденным, к которому я так странно стремился. Монахи дивились моей улыбке, а я дивился их возмущению...
Сделайте мне ещё кофе, Леонора, никому это не поручайте, вы прекрасно готовите кофе...

КАРТИНА 17.

Холл. Директор, Иохен, Неттлингер.

ИОХЕН.

При этом я был корректен, господин директор, то есть я был таким, каким в всегда привыкли меня видеть.

ДИРЕКТОР.

Вы оскорбили этого господина, Иохен.

ИОХЕН.

Не намеренно, господин директор, собственно это даже нельзя назвать оскорблением. Я бы мог назвать сотни людей, которые почтут за честь быть со мной на «ты».

ДИРЕКТОР
(таинственно).

Господин Неттлингер требует удовлетворения.

НЕТТЛИНГЕР
(Директору).

Что?! Что вы говорите?

ДИРЕКТОР.

Спокойно, господин доктор. *(Иохену.)* Попросите у него извинения.

ИОХЕН.

Прошу извинения.

ДИРЕКТОР.

Не таким тоном.

ИОХЕН.

А каким же тоном?! Прошу извинения у господина доктора. Прошу извинения у господина доктора. Прошу извинения у господина доктора. Вот три тона, на которые я только и способен, а уж вы, пожалуйста, выберите себе тот, который вас больше устраивает. Я, видите ли, не боюсь унижений. Я готов плюхнуться ниц на этот ковёр, и бить себя кулаками в грудь; но я старик и тоже хочу, чтобы передо мной извинились!

ДИРЕКТОР.

Не таким тоном, старик, не таким.

НЕТТЛИНГЕР.

Тихо, тихо, господа, я слышу голоса.

ИОХЕН.

Ну и что?! Ты что же думаешь, что в отеле не бывает голосов?! Да ещё таком, как этот, простите, слегка подводном, - это тоже для любителей! Оппозиция так и прёт, - что справа, что слева. Ты ещё не слышал голосов оттуда! *(Тычет пальцем в пол, потом несколько раз подпрыгивает на месте.)*
И когда ты их услышишь!

НЕТТЛИНГЕР

(раскуривает очередную сигару).

А что, старец. Разве этот голос не ОТТУДА?

КАРТИНА 18

Старуха Блесик материализуется в недрах отеля, движется со свечой к номеру генерала Кестерса.

БЛЕСИК

Любовь, Гуго... Я никогда не знала, что это такое; все без исключения, дают мне понять, что я вызываю только чувство омерзения. Мать проклинала меня десять раз на дню, она, не стесняясь, всю жизнь выражала ко мне своё отвращение. Моя мать была красивая молодая женщина; мой отец, мои сёстры и братья тоже были молодые и красивые; если бы у них хватило мужества, они бы меня отравили, они говорили, что такой, как я, не следовало родиться... Я вижу, я слышу, я чувствую, я ощущаю запахи, как все другие люди, я умею писать, читать, считать, я различаю, что вкусно, что невкусно, но ты первый, мой мальчик, кто оказался в состоянии провести со мной больше получаса, слышишь, первый...

Она распахивает дверь двенадцатого номера, возникает плачущий генерал Кестерс, как всегда при полном параде, сидящий в кресле с ногами в тазе с парящей жидкостью.

КЕСТЕРС.

Я всю жизнь... Я всю жизнь ждал от вас этих слов, мадам. Я счастлив, мадам... Я что-то ещё хотел сказать, но я стар, я болен, я всё позабыл, всё...

БЛЕСИК.

А, герр генерал. И вы напрасно изображаете адские муки у себя в тазу, этакий игрушечный тренинг вас не избавит. Когда вы будете кипятиться в котле натуральном, вам напомнят ровно столько, сколько вы подзабыли, герр генерал...*(Заходит в номер, прикрывает за собой дверь.)*

КАРТИНА 20.

Холл.

Директор, Неттлингер, Иохен, обратившие взоры на дверь, в которую вошла Овечья Жрица.

ДИРЕКТОР.

Ну что, Иохен? Ты ещё не потерял чутьё на беду?

ИОХЕН.

Потерял! Интересно, чтобы вы здесь все делали без моего чутья на беды, беды, беды! На радость у вас самих чутьё есть, а как кто-нибудь собирается кого-нибудь пришить, а пуще – пришить самого себя, так сразу все ищут меня. *(Наступает на Директора.)* Конечно, такие, как ты, нарочно созданы для того, чтобы быть директорами отелей, вы похожи на женщин, которым удалили всё, что следует...

НЕТТЛИНГЕР.

Страсти какие.

ИОХЕН.

Да, да! Для них нет проблем, но проблем без любви не бывает! Всё равно, что если бы человек удалил себе совесть. Из него не вышло бы даже циника. Человек без огорчений – не человек!

НЕТТЛИНГЕР.

Старец! Я восхищён вашими умодвижениями, вот вам моя рука!

ИОХЕН.

Засунь её себе в карман, умник! *(Директору.)* Когда ты был не Директором, а Боем, и я тебя учил, четыре года я муштровал тебя, а потом ты повидал свет; соглядал в этих офицерских казино варварские забавы победителей и побеждённых, после чего ты вернулся, ты вернулся! И первый вопрос, который ты задал, приехав сюда гладким и жирным - помнишь?

ДИРЕКТОР.

Да, я помню. Я спросил: «Старик Иохен, ты здесь?» Ну, ты ещё здесь, старик Иохен?

Пауза.

ИОХЕН.

Да, я всё ещё здесь...Я всё ещё здесь, мой мальчик... *(Хлопает Директора по щеке – на манер фюрера).*

КАРТИНА 20.

Бильярдная: Роберт, Гуго

Роберт стоит, тяжело дыша, опёршись на стол.

ГУГО.

Господин доктор... Господин доктор, вам плохо?

РОБЕРТ.

Нет... Мне нормально. Я всё ещё здесь, мой мальчик, я всё ещё на этом проклятом свете...
Кто это там так вдохновенно прогавкал: «Человек без огорчений – не человек!»

ГУГО.

Я не слышал, господин доктор. Я смотрел на вас – был момент, когда мне даже показалось, что вы падаете.

РОБЕРТ.

А я слышал. Это, наверное, один из призраков отеля «Принц Генрих» решил нас упрекнуть. Ибо запугать нас уже нечем. Дескать, мы совсем не огорчаемся, а им, несчастным духам, с их убогой природой, завидно.
Ты больше ничего не слышал, Гуго?

ГУГО.

Нет, господин доктор.

РОБЕРТ.

Ну, как же. «Как они могут, - вопят духи, - как они только могут препираться у входа, курить дорогие сигары, - прикури, кстати, сынок, сигару. – Как они могут в таком преклонном возрасте по четыре часа болтать с любовницами своих сыновей, как они могут столько времени мучить бедного ненормально генерала и так долго не давать ему пропустить очередь от одного уха к другому, как они могут целыми днями заигрывать сами с собой в бильярд и скармливать на заднем дворе бутерброды с осетровой икрой угрюмым курам», - принеси-ка, кстати, сынок, что-нибудь выпить и закусить. Выпьем и закусим, сынок... Дабы не вспоминать лиц монахов взлетающего на воздух аббатства святого Антония, нас проклинающих... И не думать о том, какие у нас тогда были лица, за три дня до поражения...

КАРТИНА 21.

Холл. Те же.

ИОХЕН.

А вот это вы видели?

(Протягивает Директору и Неттлингеру по кукишу.)

Кормите курей бутербродами, жрёте коньяк и курите сигары! *(Выворачивает карманы.)*
А я нищий, нищий!

ДИРЕКТОР.

Вы сейчас же проводите этого господина в бильярдную, Иохен.

ИОХЕН.

Нет.

ДИРЕКТОР.

Вы сейчас же проводите этого господина в бильярдную.

ИОХЕН.

Нет. Даже шлюхи отказывают некоторым клиентам! Но мне, мне!

(Директору.)

Пора бы усвоить, что ты свинья. Неделями я натаскивал тебя в своей комнате, дрессировал, как братья чаевые, и это было адски трудно.

ДИРЕКТОР.

Будет крайне прискорбно, Иохен...

ИОХЕН.

В этом доме, господин Директор, ещё ни разу не пренебрегли желанием клиента...

ДИРЕКТОР.

Гостя, старик, гостя.

ИОХЕН.

Чёрт с тобой. Гостя. Не беспокоить его! Исключая, конечно, те случаи, когда в дело вмешивается тайная полиция. Тогда мы бессильны.

НЕТТЛИНГЕР.

Считайте, что это – тот самый случай, старец. Я бы с удовольствием еще поучаствовал в этой учёной беседе, но устал. Просто засыпаю. Годы, годы. Служба не из лёгких. Язва, геморрой. И груз, соответственно, воспоминаний.

ИОХЕН

(Директору.)

Если этот клоун из гестапо, то я – адмирал Канарис с петлёй на шее.

НЕТТЛИНГЕР.

Если это – вопрос, то на такие вопросы я не отвечаю, любезный.

ИОХЕН.

Скажи тогда что-нибудь гестаповское.

НЕТТЛИНГЕР.

Хенде хох.

ИОХЕН

(поднимает руки, Директору).

Похоже.

НЕТТЛИНГЕР.

Значит, договорились.

ИОХЕН.

Через мой труп!

НЕТТЛИНГЕР

(вытаскивает парабеллум).

Только для вас.

КАРТИНА 21.

Бар. Генрих Фемель, Леонора.

ГЕНРИХ.

Что это он там о трупах, вы слышали, Леонора?

ЛЕОНОРА.

Я ничего не слышала.

ГЕНРИХ.

Всё правильно. Духи беседуют с особым резонансом, как киты, так что звуки слышать можно, но никто, кроме них, призраков, ни черта не разберёт, о чём, собственно, идёт речь. А речь идёт о трупах. О них впервые заговорил архиепископ, когда увидел мой проект аббатства. Через мой труп! – проорал священник, так оно и вышло. Он похоронил себя под сводами центральной башни.

Так мы пьянствуем, Леонора? Сегодня и здесь. Сколько раз в этом набитом призраками отеле я вкушал ароматы всевозможнейшей дичи, почему-то именно на этом пятачке земли наши традиции сильны, как нигде более. Сколько? Десять тысяч визитов сюда, или все-таки больше? Накормим сегодня всех, кто явится меня поздравить так, чтобы они потом неделю не могли ничего есть... Хотя зачем нам нужны почести, Леонора, раз я хочу служить не людям, а Богу, только Богу...

ЛЕОНОРА.

Нам? Вы сказали «нам», господин тайный советник? Кстати, сколько человек ожидается к ужину?

ГЕНРИХ.

Да пусть приходит, кто хочет, нашей оккупационной похлёбки хватит на всех. А официально приглашённых гостей можно пересчитать по пальцам: я, вы, Леонора, вы ведь не откажете мне? Роберт, эта ненормальная старуха со своим чокнутым генералом. Должен приехать мой внук Йозеф со своей невестой, и всё.

ЛЕОНОРА.

Какого шампанского заказать, господин тайный советник?

Пауза.

ГЕНРИХ.

Да никакого. Будем пить водку. Нормальную, русскую водку. Под острую закуску. В этом немецком гнезде мне постоянно грезится что-то очень русское – водка, например. Сколько раз я здесь ужинал? Я ведь приходил сюда каждый день, за исключением тех лет, когда этому препятствовала высшая сила...

ЛЕОНОРА.

Высшая сила... Из ваших уст эти слова звучат очень весомо, Генрих.

ГЕНРИХ.

Бойтесь симметрии, милочка. Бойтесь её там, где она есть... Ибо она может всё. Она может вне правил мозаики распахнуть перед вами дверь, ту, что в детских сказках называют «заветной дверью»...

КАРТИНА 24

Номер Кестерса.

Те же.

БЛЕСИК.

Ну, что же вы не стреляете, генерал? Не стесняйтесь, новичков в этом деле первыми предоставляют мне...

КЕСТЕРС

(не вынимая ствола).

Я, чёрт возьми, не новичок!

БЛЕСИК.

Плевать! Вы же не хотите разметать свои переразвитые мозги по земному шару, значит, сначала должны представиться по всей форме мне и только мне...

КЕСТЕРС.

Вы же знаете, как меня зовут. Меня зовут... Моё имя...

БЛЕСИК.

Дорогой, я не терплю фамильярностей, к тому же имя Отто уже занято убитым сыном Генриха Фемеля, надеюсь, вы разрешите звать вас просто «сектор обстрела?»

КЕСТЕРС

(бросает пулёмёт, рыдает).

Я чуть было... Я чуть было не сказал «сжальтесь»... Я, старый, хладнокровный солдат... Я видел такое, что вам всем, вместе взятым, и присниться не может!

БЛЕСИК.

Смелее, смелее, генерал... Вы уже наверное вообразили, что если уж засунули это орудие возмездия в свой беззубый рот, то сразу заслужили отдельную главу. Жмите на собачку, генерал! А то вы ни туда, не сюда, нет ничего хуже неопределённости... И вы уверяете меня, что этому активно препятствует высшая сила, так вот – высшая сила – это я, я поднимаю вуаль, смотрите мне в глаза и стреляйте себе в голову, так делали до вас умные люди...

КАРТИНА 24

Холл. Те же.

Иохен, Директор и Неттлингер, задрав головы, изумлённо взирают на сцену в двенадцатом номере.

ИОХЕН.

Да... Похоже, наш генерал сейчас увидел свою...

НЕТТЛИНГЕР.

Считайте, что я уже смахнул скупую слезу. Думал ли я, мыслил ли я, что доживу когда-нибудь до этого мгновения. Высшая сила – вот она. *(Директору.)*

Послушайте, любезный! Если ваш клерк, или как его там, да вот он, кстати, стоит перед вами, чего я, в самом деле, суечусь, как шлюха под клиентом, так вот, если он здесь немного подметёт, я рухну либо на колени, либо издохну.

ДИРЕКТОР.

Диагноз?

НЕТТЛИНГЕР.

Страх, разумеется.

ДИРЕКТОР.

Да нет, дружище, высшая сила стоит прямо перед вами, та, что наверху, только делает вид. Еще недавно та самая бабуся, что сейчас бесится наверху, та самая дама Блесик, которая всё время слоняется по холлу, словно буйный призрак, алчущий утешить свою похоть; так вот она заказала завтрак к себе в номер на половину одиннадцатого, повесила на ручку трафарет «просьба не беспокоить», потом соорудила перед дверью баррикаду из чемоданов и заглотнула капсулу с ядом.

ИОХЕН.

Что вы во всём этом понимаете? Надо быть таким продажным, как я, и таки старым, как я, чтобы знать есть – есть вещи, которые не продаются; порок перестаёт быть пороком, если нет добродетели, и ты никогда не поймёшь, что такое добродетель, если не будешь знать, что даже шлюхи отказывают некоторым клиентам!

НЕТТЛИНГЕР

(Директору).

У вашей ходячей мумии, господин Директор, шлюхи – прямо-таки навязчивая идея, особенно те, что порой отказывают. Похоже данный экземпляр – тот самый единственный в мире клиент, который всегда в идеальной форме, один единственный – на всех и все грядущие времена. Халь Гитлер, господа, но я вам этого не говорил.

ДИРЕКТОР.

Вы которую мумию имеете в виду, господин доктор?

НЕТТЛИНГЕР.

Да не имеет значения, господин Директор, просто я хочу вас заверить, что меня можно совершенно спокойно пропустить в недра этого бункера, ибо в ближайшее время я не отравлюсь и не застрелюсь.

ДИРЕКТОР.

Это ровно до тех пор, пока кто-то не разобьёт вам сердце.

НЕТТЛИНГЕР.

Ого!

ИОХЕН

(оживляется).

Приходи вечером. Тебя застрелит наша добрая бабуся.

Пауза. Неттлингер вопросительно смотрит на Директора, тот берёт под руку Иохена и отводит его в сторону.

ДИРЕКТОР.

Ты погорячился, старина. Здесь никто никого не убивает, слышишь?
В нашем отеле собрались только те, кто убивают себя сами.

КАРТИНА 25

Бар. Генрих, Леонора.

ГЕНРИХ

(Нацепив очки, перебирает бумажки у себя в бумажнике).

Военные займы, Леонора... Я на них не подписывался, давайте бросим их в огонь, как и старые деньги... *(Вынимает из нагрудного кармана железный крест, кричит генералу Кестерсу, в тёмное пространство.)*

Ордена?! Ну конечно, я же укреплял артиллерийские позиции, надо подальше запрятать эту штуковину...

Мадонны, Леонора? Нет, мадонн я ещё не вял... Мадонн тоже порой взрывают, Леонора.

КАРТИНА 26

Блесик и Кестерс, там же.

КЕСТЕРС

(в виде какой-то генеральской жижи, из своего таза защищает свою грудь с крестами от невидимого противника). (Мультимедиа).

Не дам! Ордена не дам! Я пью за великую Германию! Я видел в этой жизни такое, что смогу привыкнуть и к котлу, и при жизни бывали котлы горячее!

БЛЕСИК.

Не надо так орать, ты ведь тихий, а не буйный, и твоё существование сводится к одному единственному пункту: во всех случаях жизни, кода надо и не надо,

Ты бормочешь «сектор обстрела»; ты наверняка сумеешь переложить требник с правой стороны алтаря на левую и наоборот, наверняка можешь преклонить колено перед дарохранительницей. Правда?

КАРТИНА 27

Бильярдная. Роберт, Гуго.

РОБЕРТ.

Правда, правда, я всё время повторял им: всё долой...взорвать! Мне кто-то что-то бормотал под ухо, а я говорил себе одну летучую фразу, в лёгкой редакции от генерала янки по фамилии Грандт: хороший монах – мёртвый монах, тоже и с линкорами, а потом уж – с любыми лоханками, лишь бы приказали,

так что хорошего монаха и взорвать не грех, он-то всё равно будет в Раю, тук же как любая посуда – в конце концов на дне, который для неё – идеальный финал, ну не сортир же в неё в мирное то время открывать, а этот грех, хоть и не грех, всё равно на мне.

И мы стёрли весь этот древнеримский курятник с лица земли, правда, сынок, так оно и было... Единственное, что меня смущает в этом меняющемся мире – это башня святого Северина, взорвал бы я её тогда, её чёртова тень не указывала бы нам сколь нагло, столь и неумолимо путь...

В единственную щель ада...

Бах! Пустота... Ничего нет. Нет аббатства, нет монахов, нет башни. Стоп, парень! Башня есть. Молчаливый упрёк нам с генералом Кестерсом, что мы её тогда не заметили, до того зрелище взлетающего на небеса храма было грандиозно. Поверь мне, Гуго, это было грандиозное зрелище.

Мы все были инженеры, инженеры душ, что нам стоило пустить эти камни не в преисподнюю, а прямо в небо? В самое синее небо.

КАРТИНА 28

Холл. Неттлингер в одиночестве.

НЕТТЛИНГЕР.

Эй! Черти! Мать вашу так. Покажитесь кто-нибудь! Или включите свет, мне страшно одному! Не явитесь – стрелять буду! *(Вынимает парабеллум, любитесь им, троекратно его целует, и стреляет вверх.)*

КАРТИНА 29

Бильярдная. Роберт, Гуго.

РОБЕРТ

(внимательно рассматривает шар).

Что это там за шум, Гуго? Генерал Отто Кестерс застрелился?

ГУГО.

Нет.

РОБЕРТ.

Растворился?

ГУГО.

Может быть, но господин Директор простит вас принять господина доктора Неттлингера.

РОБЕРТ.

Ты бы принял человека по фамилии Неттлингер?

ГУГО.

Нет.

РОБЕРТ.

Тогда покажи мне, как отсюда выбраться, минуя эту дверь.

ГУГО.

Вы можете пройти через ресторан, господин доктор, и выйти на Модестгассе.

РОБЕРТ.

Ресторан... Меня сегодня кто-то звал в ресторан. Правда, с фрау Леонорой.

ГУГО.

Ваш отец, господин доктор. Ему сегодня исполняется восемьдесят лет.

РОБЕРТ.

До вечера, Гуго. *(Буквально Исчезает)*.

КАРТИНА 30

Отель «Принц Генрих», холл. Иохен и Неттлингер стоят в позах старинных друзей, пьют пиво.

ИОХЕН.

Инстинкт никогда не подводил меня, когда речь идёт о политиках и шлюхах, зато во всех остальных случаях я пасую.

НЕТТЛИНГЕР.

У меня тоже самое, старина Иохен, у меня тоже самое, нет ничего на свете более занятного, чем политика и проституция, я даже временами думаю, что поменяй местами два этих чёрных и белых поля, то ничего не изменится, ровным счётом ничего, по единственной причине – это всё одно и то же. Вас бы надо к нам, в гестапо. Боюсь, что все неудачи Германии во второй мировой войне произошли из-за того, что вы не пошли добровольцем в «СС».

ИОХЕН.

Плевать мне на ваше безмозглое гестапо.

НЕТТЛИНГЕР.

Да мне и самому на него плевать, нет коллег, одни маньяки, старина, педофилы, зоофилы, да и зоофил нынче не тот, ох не тот нынче...

ИОХЕН

(жестом перебивает, подзывает Неттлингера поближе, понижает голос).

Когда эта Овечья Жрица появилась в отеле первый раз, я сразу сказал: «Внимание! Это важная птица». Господин Директор, тот самый идиот, что недавно был с нами...

НЕТТЛИНГЕР.

Да, да, я запомнил его.

ИОХЕН.

Так вот, он хохотал, как никогда. Увидев её, он падал, вставал, и так целый день, до того был впечатлительный мужик. Он и бой был впечатлительный. Терял память при виде денег.

НЕТТЛИНГЕР.

Был? Мужик? А сейчас он кто? Пол поменял, что ли?

ИОХЕН.

Да какая разница? А когда пришла фрау Леонора с сумочкой в руках и блокнотом под мышкой, он сказал: «Обыкновенная шлюха». На что я довольно веско возразил, что если она спит то с папой то с сыном, значит это просто дань уважения к деятельности на ниве архитектуры.

Иохен внезапно распахивает входную дверь и орёт кому-то:

Да, господа, банкет левой оппозиции в синем зале, правая оппозиция находится в жёлтом зале, но оба этих зала не здесь, это напротив, дорогу указывает тень от башни святого Северина ровно в полночь...

Здесь же и сегодня же банкет по поводу восьмидесятилетия Генриха Фемеля, человека, который воздвиг храм, под обломками которого умерло столько монахов...

Как, вы не знаете, кто это такой?! *(Неттлингеру.)* Приезжие, наверное.

НЕТТЛИНГЕР.

Бог их знает, кто левый, кто правый, по лицу не определишь, а лица у них у всех одинаковые, как вы их различаете, старина, ума не приложу. Представляете, как обидно: жизнь, считайте, прошла, пролетела лучшая её часть, насилие над женщинами, стариками и детьми, пытки, казни, и ни чинов, ни послаблений, одни болезни, и всё от нервов.

ИОХЕН.

Ничего, ничего, тяжело в лечении, легко в гробу, поспрашивай, здесь тебе расскажут. Я по тебе сразу определил, что тебе немного осталось, это правда, как правда то, что я всегда разгляжу настоящего аристократа, даже если он явится в рубище, и распознаю голодранца, даже если он напялит на себя фрак.

Пауза.

НЕТТЛИНГЕР.

Ну-с? Что вы еще мне веселенького предскажите, старина?

ИОХЕН.

Я сразу понял, чем ты дышишь, как только увидел твои глаза. У тебя в каждом глазу по свастике, примерно так же, как у шлюхи со стажем в каждом глазу по жилистому хрену. Я всегда отличу левых от правых, хотя у них всегда одинаковые меню. Они будут жрать салат из омаров, заиграют Моцарта, к мясному блюду, пока гости будут смаковать густые соуса, начнётся Вагнер, и тут же плавно, в сером дыму сюда приземлится фюрер, все молча попрячут глаза под стол и воспрянут, когда к обеду заиграет джаз: дескать, всё кончилось, и, слава Богу. *(Понижает голос.)*

Между нами, здесь нет ни одного настоящего патриота.

НЕТЛИНГЕР.

Так уж прямо ни одного.

ИОХЕН.

Не считая, разумеется, меня. Я понимаю, зачем он тебе понадобился.

НЕТТЛИНГЕР.

А генерал?

ИОХЕН.

Он, конечно, патриот, но со сдвигом, в наше время он скорее навредит, чем поможет. Старик Фемель – дерьмо, Директор – свинья, он до сих пор не отдал мне пять марок. *(В дверь – на улицу.)*

Да, сударыня, первая улица направо, вторая – налево, третья – направо. Что там? Там ровным счётом ничего, древнеримские детские гробницы здесь, прямо в подвале отеля, ходить туда и фотографировать не разрешается, тем более сегодня, нынче у нас именины. *(Неттлингеру.)* Такие дела. Нет отбоя от желающих.

НЕТТЛИНГЕР

Да ну?

ИОХЕН

Да. Беда с этими древнеримскими детишками, просто беда. *(Намерен всплакнуть.)*

НЕТТЛИНГЕР.

Стоп, вы говорили про пять марок. Один ваш жест, взгляд, и, наконец, слово – мои дрессированные орлы сделают из вашего должника грибное оливье, и подадут в гусиной заднице.

ИОХЕН.

Пять марок – это моё достоинство, плевать, пусть он вообще их не отдаёт, если только таковая сумма – вычет из жалования за мой единственный недостаток – нюх на грядущую беду, тогда - пожалуйста.

НЕТТЛИНГЕР.

Нет! Это – чистое достоинство. И очень ценное.

ИОХЕН.

Беда – что та же шлюха... Один раз заехала блондинка с сияющим лицом и тринадцатью чемоданами, я тогда сказал Директору, прямо на этом самом месте...

НЕТТЛИНГЕР.

Историческое место.

ИОХЕН.

Я ему и говорю: давай поспорим, что мы никогда больше не увидим её живой, как раз в тот момент, когда она входила в лифт. Он тогда сказал мне, что это всё ерунда, она просто удрала на несколько дней от мужа.

НЕТТЛИНГЕР.

Приехал муж?

ИОХЕН.

Нет. Она отравилась, и мы её вытащили из номера через двадцать четыре часа. Он мне так и не отдал эти пять марок, вроде ничего не случилось... Да пошёл он... Пижон.

НЕТТЛИНГЕР.

Вот вам пять марок, и забудьте об этом, старина.

ИОХЕН

(недоверчиво принимает деньги, и моментально входит в раж).

Ага, смотри! *(В дверь.)* Смотри внимательней, их-то я и ждал, голубчики, любовники из породы нахальных, ничего не скрывают и хотят показать всему белому свету, что им сам чёрт не брат. Но если вам нечего скрывать, то нечего напускать на себя столь наглый вид, и показывать, что нечего скрывать. Если им действительно нечего скрывать, они и не должны ничего скрывать. Лично я с этими суками не хотел бы иметь ничего такого, что надо скрыть... Нет, с любовью дело обстоит также, как с чаевыми, тут главное – интуиция. По женщине сразу видно, стоит ей что-нибудь скрывать или нет. Этой не стоит. Шестьдесят марок за ночь в отеле, плюс пару шампанского в номер, плюс чаевые и завтрак, да ещё деньги на конфетки, салфетки, всё такое. Нимфетка!

НЕТТЛИНГЕР

(выглядывает на улицу вслед за Иохеном).

Надо же. Воистину, таланты людские безграничны. Я всегда всеми человеческими дарованиями, которых сам, начисто лишён.

ИОХЕН.

Приятно иметь дело с воспитанным человеком, это я тебе, чего вылупился.

НЕТТЛИНГЕР.

Премного благодарен. Ещё пива?

ИОХЕН.

Валяй. И последний, едва заметный штрих...

От порядочной, уважающей себя шлюхи, которая знает своё ремесло, ты всё-таки что-то получишь. Как ты думаешь, получу я что-нибудь от этой, или нет?

НЕТТЛИНГЕР

(с прищуром всматривается).

По-моему нет, старина.

ИОХЕН.

И этим всё сказано. Сейчас она даст мне какую-нибудь засранную марку, если больше, то с меня к тебе доброе, хорошее отношение – на все оставшиеся в этом мире времена.

Честное слово, вынь у меня оба глаза, вырви зубы, сожги на костре, да и к единственным вратам меня не пусти, всё, что хочешь, надо мной сделай, но останется одно – моя интуиция.

Вот, - свежая шлюха. Как говорят на море – хорошо море с берега, а берег - с моря.

НЕТТЛИНГЕР

(с явным сомнением).

Нет, старина. В это время суток свежих не бывает. Нюх ты потерял, мерзавец. Я ошибся в тебе.

(Уже вынимает пистолет.)

Входят Йозеф Фемель и Марианна.

ЙОЗЕФ.

Господа, потрудитесь проводить нас к господину тайному советнику Генриху Фемелю. Сообщите ему, что приехал его внук со своей невестой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КАРТИНА 31.

Бар. За столом, при множестве свечей, сидят старик Фемель, Леонора, Роберт, Кестерс и Овечья Жрица. Гуго в парике и ливрее стоит в стороне, к имениннику подходит Директор.

ДИРЕКТОР

(в полголоса.)

Разрешите поздравить вас, господин тайный советник, честно говоря, мне всегда было наплевать на банкеты как левой оппозиции, равно, как и правой оппозиции, с их жирными задницами, песнями после ерша и перьями в тирольских шляпах, я с вами, господин тайный советник, я всегда с вами, и с вашими гостями, с генералом, вашим сыном, Овечьей Жрицей, раз уж вы её пригласили, и так далее, и тому подобное...

БЛЕСИК

(громко читает газету).

«Вора карманника постигла неудача. Вчера в Эренфельдгюртеле неизвестный молодой человек пытался вырвать сумочку из рук пожилой женщины... Однако храброй старушке удалось...»

«Государственный секретарь Даллес...» Нет, это уже пошла ерунда, не хочу о политике, меня интересуют только местные новости.

ДИРЕКТОР.

Надо бы поинтересоваться самой главной местной новостью, сударыня: именинами господина тайного советника.

БЛЕСИК.

Неужели вы ещё не усвоили, что по неписаному закону, каждый обитатель этого дома в праве иметь какую-нибудь причуду: генералу дозволен заскок с «сектором обстрела», у старика Фемеля – причуда – секретарша Роберта, у Роберта причуда – Гуго...Гуго... Мой мальчик. Агнец Божий...

ГЕНЕРАЛ.

Но мадам.

БЛЕСИК.

Что? Гуго, ты слышал? В этой лодке принято говорить тихо, как будто мы не сели на мель, а легли на дно. И ждём атаки глубинными бомбами... Агнец Божий... Бог сказал: «Паси овец моих», но никто не пас его овец... Ах, Гуго...

ГЕНРИХ *(привлекает внимание Директора)*.

Какая у этой ведьмы осведомлённость! Ко мне должен приехать мой внук Йозеф со своей невестой... Роберт, как её зовут?

РОБЕРТ.

Марианна, папа.

ГЕНРИХ
(Директору).

Вы знаете моего внука?

ДИРЕКТОР.

Узнаем, господин тайный советник. Не беспокойтесь. Если позволите, у нас есть для вас небольшой сюрприз.

ГЕНРИХ.

Фейерверк?

ДИРЕКТОР.

Не только.

ГЕНРИХ. Терпеть не могу сюрпризов.

ДИРЕКТОР.

Не волнуйтесь, господин тайный советник, я думаю, он вам понравится.

РОБЕРТ.

А что, папа, не пригласить ли нам за стол живого гестаповца? Нехорошо такого полезного в беседе человека держать в дверях, папа, прошу тебя, соглашайся. Леонора, ты не против?

ЛЕОНОРА.

Нет, Роберт. Я не против.

РОБЕРТ.

Великолепно. Надеюсь, Леонора, ты пробудешь на банкете до финала. Если б ты знала, как я рад тебя здесь видеть.

ЛЕОНОРА.

Я не знаю, но чувствую, Роберт. С чувствами у меня пока всё в порядке.

РОБЕРТ.

Ну, и слава Богу. Так что с гестаповцем, папа?

ГЕНРИХ.

Его зовут...

ДИРЕКТОР.

Неттлингер, господин тайный советник.

ГЕНРИХ.

А это не тот самый Неттлингер...

РОБЕРТ.

Да нет, папа, мало ли в Германии Неттлингеров? Просто не откажи мне в этой просьбе, вот и всё.

ГЕНРИХ.

Да, пожалуйста, мне-то что. Вы, главное, не забудьте про моего внука.

ДИРЕКТОР.

Слушаюсь. (*Уходит.*)

РОБЕРТ.

А давайте-ка распробуем это суперинцестное блюдо, что готовят местные повара, помнящие Гинденбурга. Леонора, спроси при случае у папы, как он выглядел, наш предпоследний кайзер.

БЛЕСИК.

Боюсь, за этим столом минимум трое, из тех, кто помнит, как он выглядел, молодой человек. Не из-за чего так напрягаться. Ничего особенного.

КАРТИНА 32.

Бильярдная. Иохен скачет вокруг Марианны и Йозефа.

ИОХЕН.

Да, да, господин Йозеф, госпожа Марианна, это – та самая бильярдная, где господин доктор Роберт Фемель играет ежедневно с половины десятого до одиннадцати, а наверху бар, где ежедневно завтракает господин тайный советник Генрих Фемель. Это невероятно, но, по-моему, они встретились только сегодня, на дне рождения вашего дедушки, господин Йозеф. Я говорю это только вам, только вам, отель хранит секреты своих гостей... Да, я знаю, мне стоит остерегаться излишней фамильярности и ненужных умозаключений, сохранение тайны – знамя профессии. Пожалуйста, вот меню, дамы и господа. Усаживайтесь поуютнее, вот за этот милый столик.

ЙОЗЕФ.

Простите, я не понимаю...Вы кто?

ИОХЕН.

Кто я такой, вы спросили? Я – призрак, хранящий этот старый трактир от непрошенных гостей. Терпение, мой друг, терпение, я всего лишь предлагаю немного подождать и выпить по рюмочке мартини, любимого напитка вашего дедушки, после, разумеется, русской водки. Впрочем, это может быть и не мартини, и не водка, и даже не любимый коньяк вашего батюшки; хотите, я предложу вам винца из тех подвалов, что хранят в своих бесконечных недрах детские гробницы древнего Рима, того самого вина, что замешано на крови, из той самой чаши, с которой начал свой отсчёт этот проклятый свет...

МАРИАННА.

Простите... А какое нам до этого должно быть дело?

ЙОЗЕФ.

Подожди, Марианна, я сам во всём разберусь.

ИОХЕН.

Успокойтесь, дети мои, я ведь просто хотел сказать, что дата изготовления вин, и дата их употребления - как жизнь наша, то день, то ночь... Если бы вы могли видеть сквозь эту стену, как могу сквозь неё видеть я, то вам бы представился восточный предел святого Северина, ранний романский стиль, одиннадцатый век, эту башню возвёл Генрих святой, по прозвищу Необузданный – он частенько навещает этот наш отель, ибо ваш дедушка назван в честь отеля, а отель – в честь Необузданного. Чувствуете энергию времен, молодой человек? Сколько бы эту башню не пытались стереть с лица земли, всегда это были потомки тех, кто её строил.

ЙОЗЕФ.

Еще что-нибудь? Мы бы хотели немного отдохнуть с дороги.

ИОХЕН.

Сущий пустяк. Банкет наверху в ресторане, дело, так или иначе, приближается к развязке. Подумайте, тысячу раз подумайте, прежде чем соваться туда, дети мои, а если вы всё-таки решитесь на этот рискованный визит, то обязательно запомните дорогу обратно.

ЙОЗЕФ

(Марианне).

Он сумасшедший. Мне кто-то говорил, что этот отель заселяют исключительно душевнобольные, и вот первый.

ИОХЕН.

Говорить можно всё, что угодно, но глупости лучше не говорить никогда. Мне уже двести девяносто девять раз вырывали язык, и на этот раз вырос трёхсотый – только для того, чтобы предостеречь вас от гибельных визитов...

(Зажигает свечу, уходит в недра подвалов.)

При столь доверительном общении можно позволить себе больше никаких умозаключений... Хватит, в самом деле, с меня...

КАРТИНА 33

Бар. Те же и Неттлингер.

БЛЕСИК.

Как тебе нравится фраза «хочу ружьё»?

КЕСТЕРС.

Хочу ружьё... Хочу ружьё...

БЛЕСИК.

Да, это тебе по душе, я же вижу. Брось шутить – после Вердена с такого рода шутками было раз и навсегда покончено: под Верденом погибли последние кавалеры, их погибло слишком много, слишком много любовников за один раз...

ГЕНРИХ

(Роберту).

Этот маразм на твоей совести, сынок.

РОБЕРТ.

На моей совести много чего, папа.

ГЕНРИХ.

Я знаю, Роберт.

РОБЕРТ.

Боюсь, что нет, папа.

НЕТТЛИНГЕР

(встаёт, стучит вилкой по бокалу).

Прошу внимания, господа. Хочу сказать, что для меня большая честь быть приглашенным на это торжество, ибо я хорошо осведомлён и потому особенно ценю деятельность господина тайного советника Генриха Фемеля, ибо в наше многотрудное время его труд имеет новое значение, ибо в созидании истина.

ГЕНРИХ.

Леонора, милочка... Что он говорит?

РОБЕРТ.

Гуго, принеси господину Неттлингеру как можно больше водки.

НЕТТЛИНГЕР.

Нет, господин доктор, пиво. Только пиво.

РОБЕРТ.

А я бы на вашем месте напился – не будут мучить кошмары.

НЕТТЛИНГЕР.

Это может показаться странным, но мне за всю жизнь не приснилось ни одного сна, господин доктор, сколько бы я их себе не заказывал.

БЛЕСИК.

Ничего, сегодня я вам закажу отменный кошмар, мой милый мальчик.

НЕТТЛИНГЕР

(равнодушно).

Попробуйте, мадам, я наслышан о ваших способностях.

РОБЕРТ.

А я выпью водки, с вашего позволения. *(Встаёт.)* За башню святого Северина, восточный предел которой нам так хорошо отсюда виден. Торчит, как бельмо на глазу. *(Выпивает.)*

КЕСТЕРС

(Блесик).

Да, мадам, сдаюсь. Мне нравится фраза «хочу ружьё». И мне не нравится, что там, на востоке, где каждый день встаёт солнце, торчит эта чёртова башня.

Пауза.

ГЕНРИХ.

Простите, Леонора... Я что-то важное забыл сказать... А, да, вот что: Добро пожаловать, господа. Надеюсь, вам понравится общество друг друга и мы славно проведём время. Давайте сегодня немного посентиментальничаем, господа. Что-то вроде нетленного: «Солнце клонилось к закату»... Или другая, совершенно фатальная пьеса для жизни: «Перед заходом солнца»... Не вижу разницы. Леонора, милочка, если вас не затруднит, налейте мне водки. Так о чём я?

РОБЕРТ.

Леонора, не утруждай себя, я сам ему налью, ибо лучше знаю его дозу.

ГЕНРИХ.

О чём я, чёрт меня дери?!

РОБЕРТ.

Про то, что «каждому своё», папа.

ГЕНРИХ.

Ах, да. Гитлер ведь был не первый, кто вынес это клише на знамя. Думаю, он не был последним. Но «всё пройдёт», господа, и мне это нравится больше, чем «каждому своё». И даже если нашему бравому генералу взбредёт в голову проорать «зик!», то уже никто не вскачет и не проорёт в ответ «халь!». Всё, господа, никаких «причастий буйвола», никаких «с Гинденбургом вперёд», теперь пару шагов назад, к святым мощам принца Генриха. Остановимся и осмотримся, господа. Пора уже. Правда, Леонора?

КАРТИНА 33

Бильярдная. Йозеф и Марианна.

МАРИАННА.

Ты так радовался этой поездке...Что произошло? Тебя смутил этот ненормальный старик?

ЙОЗЕФ.

Ничего не произошло.

МАРИАННА.

Правда, Йозеф?

ЙОЗЕФ.

Правда, Марианна.

МАРИАННА.

Ты не хочешь со мной разговаривать?

ЙОЗЕФ.

Потом... Может быть, скажу тебе через пару лет, а может быть – завтра. Не знаю.

МАРИАННА.

Это связано с нами обоими?

ЙОЗЕФ.

Разумеется, раз я связан с тобой.

МАРИАННА.

Случилось что-нибудь... неприятное?

ЙОЗЕФ.

Нет.

МАРИАННА.

Прости.

ЙОЗЕФ.

Да нет, это ты меня прости. Дай мне расчёску, пока мы ехали на машине, тебе в голову налетел песок. Только не верти головой, маленькие песчинки руками не вынешь.

МАРИАННА.

Я ведь знаю, что по вечерам, когда из аббатства выходили рабочие, ты ходил и ощупывал новые кирпичи, тогда тебе было приятно касаться их, а вчера вечером ты этого не делал, я всё узнаю по твоим рукам: и ты так рано уехал сегодня утром.

ЙОЗЕФ.

Мне надо было получить для деда подарок.

МАРИАННА.

Это ваш портрет?

ЙОЗЕФ.

Да нет, это – фотография, я просто дал её увеличить. Единственная фотография, где мы вдвоём. А вот фотографии, где мы троём, у меня нет... Или просто вместе с отцом. Я получил фотографию и поехал на Модест-гассе и дождался, пока отец выйдет из конторы, мне просто хотелось увидеть его, и я его увидел, он хорошо сохранился. Не поворачивайся, пожалуйста, мне так удобнее разговаривать.

МАРИАННА.

Удобнее лгать.

ЙОЗЕФ.

Может быть и так... Точнее говоря, умалчивать.

МАРИАННА.

Так что случилось, Йозеф? Почему ты так взволновался, когда разговаривал с этим сумасшедшим портье?

ЙОЗЕФ.

Он, по моему, не портье.

МАРИАННА.

А кто?

ЙОЗЕФ.

Не знаю. Ты обратила внимание на его глаза? Они какие-то странные. Зрачки. Они у него то есть, а то их нет вовсе. Такое впечатление, что он слепой, но настолько знает здесь каждый угол, что просто передвигается по памяти. Ты ничего не заметила?

МАРИАННА.

Кроме собственной тревоги, ничего.

ЙОЗЕФ.

Как во время кошмара, правда?

МАРИАННА.

Какого кошмара?

ЙОЗЕФ.

Того, который может только сниться. Да бог с ним, со стариком. Как бы то не было, сегодня я сказал отцу настоятельно, что отказываюсь в дальнейшем возглавлять работы по

восстановлению аббатства святого Антония, не обращайся, а то больше не скажу ни слова.

МАРИАННА.

А что на это скажет твой дедушка? Ведь он так тобой гордился: каждая похвала настоятеля была ему, как бальзам. Не говори ему ничего, хотя бы сегодня.

ЙОЗЕФ.

Ему доложат и без меня, но, видишь ли, я больше не могу видеть кирпичи и слышать запах извёстки. Пока, во всяком случае.

МАРИАННА.

А что скажет твой отец?

ЙОЗЕФ.

Я думаю, он огорчится только из-за деда, если вообще огорчится. Они оба очень странные. Подожди, не обращайся. Отец должен тебе понравиться.

МАРИАННА.

По-моему, мне не надо было сюда приезжать, Йозеф.

ЙОЗЕФ.

Всё нормально, дед пригласил тебя сюда по всей форме.

МАРИАННА.

Ты отпустишь меня?

ЙОЗЕФ.

Нет. Так гораздо удобнее разговаривать.

МАРИАННА.

И лгать.

ЙОЗЕФ.

Умалчивать.

Пауза.

МАРИАННА.

Ты любишь своего отца?

Пауза.

ЙОЗЕФ.

Да. Особенно с тех пор, когда я узнал, что он столь молод.

МАРИАННА.

Ты не знал, сколько ему лет?

ЙОЗЕФ.

Нет. Мне казалось, что ему лет пятьдесят... Смешно, конечно, но я никогда не интересовался, сколько ему на самом деле лет, только позавчера, получив свою метрику, я узнал, что ему всего сорок три года, я даже испугался.

МАРИАННА.

Испугался? Чего?

ЙОЗЕФ.

Не знаю... Оказалось, что он совсем молодой, хотя гораздо более старомоден, чем дед. Он вдруг устарел, как внезапно устарел динамит... Я помню, как он радовался, когда ему ещё разрешали взрывать. Он ведь и стал таким строгим, когда взрывать ему стало нечего.

МАРИАННА.

Я очень хочу увидеть его. А теперь можно обернуться?

ЙОЗЕФ.

Да.

Пауза. Марианна оборачивается и пристально смотрит в глаза Йозефу.

МАРИАННА.

Почему ты не скажешь мне, в чём дело?

Пауза.

ЙОЗЕФ.

Потому что, когда я сегодня пытался выжать из своего драндулета всё, что можно, я вдруг отчётливо увидел на дорожном плакате слово «смерть».

КАРТИНА 34

Бар. Банкет по поводу дня рождения тайного советника Генриха Фемеля. Те же.

РОБЕРТ.

Что это ты там держишь под столом, папа? Уж не кукиш ли?

ГЕНРИХ.

Награды, Роберт, награды... Кресты первой и второй степени. Когда я однажды стоял за чертёжным столом, твой брат Отто вытащил их из шкафа, и я слишком поздно заметил роковой блеск в его глазах, слишком поздно... Давай избавимся от них по крайней мере сейчас, чтобы Йозеф не обнаружил их в моём наследстве... Или вот что: отдайте их генералу Кестерсу, Леонора. Поздненько я приношу их в жертву памяти моего отца... Да сгинут почести, возданные нашим отцам, дедам и прадедам... Пусть эти кресты сгинут вместе с генералом Кестерсом...

Пауза. Леонора в нерешительности.

Чего вы испугались, милочка?

РОБЕРТ.

Да, а чего это вы, милочка, в самом деле, испугались? Это ведь его кресты, он волен с ними делать всё, что ему заблагорассудится.

ЛЕОНОРА.

Хорошо, Роберт, я сделаю всё, о чём меня попросит твой отец, но чуть позже. Можно позже? Или ты хочешь непременно сейчас?

РОБЕРТ.

Мне всё равно, Леонора. Мне, честное слово, всё равно.

Со своего места вскакивает генерал Кестерс и начинает маршировать на месте.

КЕСТЕРС.

Я принял решение, взрывайте, господа! Если речь идёт о победе, мы не имеем права садить наши культурные ценности!

РОБЕРТ
(аплодирует).

Спасибо, генерал. Мне по сердцу эта соловьиная песня.

БЛЕСИК.

Никак не могла предположить, что генералы такой трусливый народ.

КЕСТЕРС.

«Герой! Для тебя наши бьются сердца, а славе героя не будет конца. С Гинденбургом вперёд! Ура!»

БЛЕСИК.

Я уже однажды видела, как ты маршируешь. Это было в день парада в честь кайзера в январе одна тысяча девятьсот восьмого года.

РОБЕРТ.

Вслушайся, Леонора, сколько чудных воспоминаний у наших родителей и иже с ними, а нам с тобой и вспомнить нечего – ни парадов, ни кайзеров.

ЛЕОНОРА.

А любовь? Как с любовью, Роберт?

БЛЕСИК.

Любовь – это прекрасно, Роберт. Не знаю, что ты ждёшь – хватай девчонку и тащи её на Багамы: ты же навзрывал за свою жизнь на дорогу туда – себе и ей, а обратных билетов не надо. А раз девчонка свихнулась, или пытается тебя разозлить самым, что ни на есть сучьим манером, значит надо увозить её силой.

РОБЕРТ.

Спасибо, мадам. *(Чокается со старухой, выпивают.)* Однако сегодня день рождения родителя, моего немецкого родителя. Который в свои восемьдесят остановился на русской водке. А что генерал? Скучает?

БЛЕСИК.

Генерал! Почему ты смотришь на меня выжидающе? Ты на меня так никогда не смотрел. Положи голову мне на колени, извини, что я дрожу – мне страшно.

Кестерс падает на колени Овечьей Жрице, рыдает.

Не надо хныкать... Не надо жаловаться, солдат... Не жалей о проигранной войне... *(Всем.)* Господи, неужели вы действительно проиграли две войны, одну за другой? *(Кестерсу.)* А таким молодчикам, как ты, я желаю проигрывать семь войн подряд... Довольно хныкать, мне плевать, сколько войн ты проиграл... Надо оплакивать убитых детей, а не проигранные войны...

РОБЕРТ.

Что вы его, ей Богу, заездили, мадам. Всё роковое тщеславие нашего главнокомандующего заключается в посадке головы, которой у него с некоторых пор просто нет. Так что сегодня у нас – что-то вроде свидания с обезглавленным. Остаётся только прицепить к его собственным бляхам пару железных крестов моего батюшки, пусть позвякивает ими, когда ему вздумается. Дзинь-дзинь. Господин Неттлингер!

НЕТТЛИНГЕР.

Да, да, господин Фемель.

РОБЕРТ.

Вы слышите? С Гинденбургом вперёд. Хочу ружьё, зачем-зачем, за что – за что...? *(Наливает себе полный стакан водки, выпивает.)* У меня тоже есть железный крест, вы же наверняка в курсе, за какие подвиги я им награждён? Хотите, подарю, раз уж сегодня такая пьянка?

НЕТТЛИНГЕР.

Не стоит, господин доктор. Без явных заслуг перед рейхом такие штуки не раздавались, я то в курсе.

РОБЕРТ.

Заслуги есть. Из всех присутствующих о них знает генерал Кестерс, и Гуго, но Кестерс – без головы, а Гуго молчит, а не болтает, потому что он умнее нас – вместе взятых.

ГЕНРИХ.

Ты о чём, сынок?

РОБЕРТ.

Я о том, что Неттлингер знает, за что я получил свой железный крест, папа.

Мне вручил эту награду генерал Кестерс за то, что я взорвал аббатство святого Антония, взорвал, хотя знал, что генерал Кестерс – сумасшедший, он был сумасшедшим уже тогда, а может, в тот момент произошло столь счастливое совпадение, что он свихнулся в тот самый момент, когда у него перед носом вырос храм Божий. *(Извлекает из кармана крест, довольно долго его разглядывает.)*

Битте, генерал! Какое литьё! За бессмысленный взрыв как в тактическом, так и в стратегическом отношении.

Возьми его, Гуго... Я не боюсь, что он попадётся на глаза Йозефу, мне, честно говоря, наплевать, увидит он его, или нет, давай немного упростим эту победную позу, ибо третьей победы тоже не будет, за третьей дракой не будет ничего, хоть и была Хиросима. И если Йозеф не приехал, то он сильно набрал в моих глазах.

Пауза.

ГЕНРИХ.

Ты лжёшь... Ты лжёшь, Роберт... Ты не делал этого... Это был не ты...

РОБЕРТ

(выпивает).

Да как тебе сказать, папа... Если я сейчас попытаюсь облечь свои мысли в слова, они вовсе потеряют всякое сходство с правдой... Хорошо, раз у тебя сегодня юбилей, я подарю тебе эту правду, ты всегда говорил и мне и Отто что в этом мире ничего нет, кроме чистой правды, так вот она, одна на всех понятная:

я ждал момент взорвать аббатство, которое ты строил, я грезил этим взрывом пять с половиной лет войны, я ждал, когда аббатство, словно по мановению креста самого святого Антония, как волшебного жезла, станет моей добычей, я хотел воздвигнуть памятник из праха и развалин тем, кто был со мной заодно.

ЛЕОНОРА.

Остановись, Роберт.

РОБЕРТ.

Зачем, Леонора? Это же правда, мы же все сражались за правду – каждый за свою. Так что, давайте, катнём последний шар в этом бильярде.

Мне было доподлинно известно, что армейские психиатры признали генерала Кестерса сумасшедшим, дорогая Леонора, ты и представить себе не можешь, как трудно добиться единодушия армейских психиатров, - так вот, они признали Кестерса сумасшедшим, признали уже тогда.

Не поняла, детка? Поясню: они признали в генерале Кестерсе человека, который не несёт никакой ответственности за свои поступки, таким образом, папа, ответственность за взрыв целиком ложится на меня. И последнее: я-то, бесспорно, сумасшедшим не был. Так что подбодри своё сердце хоралом, отец, неужели ты действительно примирился с духом, разрушившим монастырь? С этим чёртом, который до сих пор не даёт мне покоя, он показывает мне в полудрёме взрыв башни святого Северина, которая со времён святого Генриха показывает путь в единственную щель ада...

При этом я был корректен, господа, неизменно корректен... Гуго, возьми, пожалуйста, мой крест и никому не показывай. Пойдёмте, господа, прямо вдоль лунной тени этой проклятой башни, любезные, щедрые и счастливые, к гостеприимным, рогатым и хвостатым чертям. *(Наливает себе полный стакан водки.)*

За очищающее пламя господа! *(Выпивает.)*

Пауза.

ГЕНРИХ.

Мир в моей могиле...

Пауза.

ЛЕОНОРА.

Что? Что вы сказали, Генрих?

ГЕНРИХ.

Мир в моей могиле закончился, милочка. Последние годы меня окружало небытие, земля медленно осыпалась, обволакивая меня со всех сторон... Мир в моей могиле был до тех пор, пока мой сын Роберт не приподнял крышку моего гроба и не отбросил меня назад, ко временам, когда играли по крупному...

На могиле была надпись:

«Построено Генрихом Фемелем в 1908 году, в возрасте двадцати девяти лет»,

теперь допишем:

«Разрушено Робертом Фемелем в возрасте...»

Сколько тебе тогда было лет, Роберт?

РОБЕРТ.

Двадцать девять, папа.

ГЕНРИХ.

«Разрушено Робертом Фемелем в 1945 году». Кто мне теперь скажет, чем мой внук Йозеф ознаменует своё тридцатилетие... Что он намерен делать: строить или разрушать?

РОБЕРТ.

Папа, ради всех святых. Сказано: отец, сын, святой дух, о внуках там ничего нет. Там нет ничего ни о католиках, ни о православных, - есть толпа урождённых крестом, плохо понимающих, что там с заповедями, и как с ними обращаться. Гитлер за всю эту мистику сколько бобла в Тибете отвалил, и всё равно – умер больным человеком.

ГЕНРИХ.

Что... Йозеф не твой сын?

РОБЕРТ.

Он твой внук, папа... Гуго... Где Гуго?!

ГУГО.

Я здесь, господин доктор.

РОБЕРТ.

Никуда не уходи... Будь здесь, я прошу тебя.

ГУГО.

Хорошо, господин доктор, я никуда не уйду.

БЛЕСИК.

Гуго... Агнец Божий... Иди ко мне, я расскажу тебе об овцах, которых никто не пас...

РОБЕРТ.

Об овцах чуть позже, мадам. Если вы помните, у моего папы сегодня юбилей, а он всю свою честную жизнь только и делал, что созидал, созидал, созидал.

Пауза.

ГЕНРИХ.

Что-то мне душновато, Леонора...

ЛЕОНОРА.

Открыть окно, Генрих?

ГЕНРИХ.

Если можно.

Леонора подходит к окну одновременно с Гуго, они вместе открывают его, все видят на фоне полной Луны башню святого Северина.

РОБЕРТ.

Слов нет, правда, господин Неттлингер?

НЕТТЛИНГЕР.

Я бы сказал то же самое, господин доктор.

РОБЕРТ.

Я знаю.

ГЕНРИХ.

Леонора... закажите мне поджаренный хлеб... Два ломтика чёрного хлеба, масло, апельсиновый джем, яйцо всмятку и сыр с красным перцем, перец, пожалуйста самый...

БЛЕСИК.

Подарок.

ГЕНРИХ.

Я подарю вам клонированную овцу, мадам. Надеюсь, к этому времени таковая появится.

ЛЕОНОРА.

Сыр с красным перцем?

ГЕНРИХ.

Да, плавленый сыр, приправленный перцем. Простите, что я вас об этом прошу, скажите там кому-нибудь: сорок пять граммов сыра и напёрсток перца... всю массу надо хорошенько вымесить, и пусть меня уже не пугает точность, с какой воплощаются мои планы...

Пауза.

Давай уедем, Леонора... По правде говоря, здесь собрались совершенно чужие мне люди, их слишком много... Мне был бы куда больше по душе ужин вдвоём...

ЛЕОНОРА.

Да, но....

ГЕНРИХ.

Давай уедем... Как чудесно гулять по вечерам вдоль канала, где стоит мой дом... Вода, как стекло, совсем как стекло... Тишина вокруг... Ты узнаешь, какие там тихие люди... никто не шумит... Никто не орёт, не марширует. Правда, они как-то на моих глазах вытаскивали покойников из подвала монастыря после взрыва, и Йозеф пытался уверить меня, что это – больные, и их скоро повезут в больницу; но разве больных кидают в грузовик, словно мешок с картошкой? Слышишь, Роберт? Словно чёрные мешки с картошкой, монашеские одеяния, оказывается, и есть чёрные мешки...

Когда мне поставят памятник, Леонора, одним смехом не обойдёшься, плюньте на него, душенька, во имя моего сына Отто, во имя моего сына Роберта, и моего внука Йозефа... Плюньте на него и подумайте, чего стоит старик, предлагающий возлюбленной своего сына плюнуть на его собственный памятник.

КАРТИНА 35

Бильярдная. Йозеф и Марианна.

МАРИАННА.

Мы пойдём наверх?

ЙОЗЕФ.

Наверное, пойдём.

МАРИАННА.

Зачем?

ЙОЗЕФ.

Ну, как же. Надо вручить деду подарок.

МАРИАННА.

Ты обязательно хочешь его вручить? Давай это дело поручим тому ненормальному призраку, что принял меня за проститутку.

ЙОЗЕФ.

С чего ты взяла?

МАРИАННА.

Он не отбрасывал тени.

ЙОЗЕФ.

Нет, я о...

МАРИАННА.

О, меня не проведёшь.

ЙОЗЕФ.

Да, но ты совсем не похожа на проститутку, только, ради Бога, не обижайся.

МАРИАННА.

Переживу. Ну, что? Давай, что ли, сбежим отсюда? Давай оставим в покое твою колымагу, чтобы больше никогда не встретить придорожный плакат со «смертью». Поехали отсюда, Йозеф.

ЙОЗЕФ.

Почему ты просишь об этом?

МАРИАННА.

Потому что ты не хочешь туда идти.

ЙОЗЕФ.

Мне надо туда идти.

МАРИАННА.

Не хочешь, значит и не надо. Уедем, Йозеф. Кстати, я забыла тебя спросить, почему ты так сильно туда не хочешь? Если бы я вовремя это не почувствовала, мы бы уже давно отплясывали танго под «Полёт Валькирии».

ЙОЗЕФ.

Танец смерти. У наших предков была верная примета – если встретишь мокрую валькирию, это к несчастью.

МАРИАННА.

Да, ты знаток, я вижу.

ЙОЗЕФ.

Понимаешь. Я вчера в аббатстве раскопал старую фреску, сначала увидел что-то темное, потом оказалось, что это – кошелек Иуды... Потом я стёр тряпкой белые пятна и увидел остальной кусок этого произведения...

Вокруг стола сидели двенадцать апостолов, я жутко обрадовался, а когда собрался уходить, то заметил между ногами двух святых – Иоанна и Петра, прямо над пробоиной от взрыва значки: X, Y и Z. Сотни раз, когда отец помогал мне делать уроки, я видел написанные его рукой X Y Z...

Колонны трапезной были взорваны, своды разрушены, уцелели только остатки стены с фреской «тайной вечери» и этими буквами... Отцовской рукой начертанными... Мистика какая-то...

Пауза.

МАРИАННА.

Оставим фотографии здесь... Уедем отсюда?

ЙОЗЕФ.

Это бегство, Марианна. Это будет самое настоящее бегство, а я всё-таки мужчина.

МАРИАННА.

Ни один мужчина на свете не в состоянии бороться с чужим прошлым. Да и не стоят этого никакие духи, ни добрые, ни злые, поверь мне.

ЙОЗЕФ.

Откуда ты знаешь?

МАРИАННА.

Чувствую. Я же всё-таки женщина.

ЙОЗЕФ.

Я всё-таки поднимусь.

МАРИАННА.

Не надо. Уедем. Поехали?

Слышен короткий хлопок – это выстрел.

ЙОЗЕФ.

Что это? Ты слышала?

МАРИАННА.

Нет. А что я должна была услышать?

ЙОЗЕФ.

По-моему, это был выстрел.

МАРИАННА.

Почему обязательно выстрел? Может быть – это фейерверк, а может, кто-то открыл шампанское...

ЙОЗЕФ.

Дед не пьёт шампанского... И отец, кстати, тоже. Они оба пьют обыкновенную русскую водку или, в крайнем случае, коньяк. Странно, правда?

КАРТИНА 36.

Бар. Те же.

БЛЕСИК.

Нам пора, генерал. В последний рейд. Можешь ещё немного промаршировать, когда человеку семьдесят с лишним лет, он больше ни на что не годен. *(Леоноре.)*

Это я вам, милочка, у вас такие умные глаза, и я хочу, чтобы вы вовремя спохватились... *(Кестерсу.)*

В дорогу, генерал! В ритме бравурного вальса... На пороге ты вновь обретёшь способность удивляться... Дорогой мой, только не дрожи, а то я заплачу... Господин Неттлингер, вас не забавляет эта процедура – ровно дышать, прицеливаться?

НЕТТЛИНГЕР.

Ай момент, мадам, это против правил. Разве вы не видите? Я с благоговением вожу пальцем по меню. Вот, взгляните, мадам, я нерешительно качнул головой, пожалуй, закажу-ка я себе курочку...

БЛЕСИК.

Чисто еврейская закуска, впрочем, это ваше дело, тыловая вы крыса.

НЕТТЛИНГЕР.

Но мадам. Когда я вижу слово «полуард» то, ей Богу, не могу устоять. Как говорил французский капитан от артиллерии, Шарло, кажется, де Лакло, «это выше моих сил». Так говорил его герой Вольмон, кстати, о Вердене.

КЕСТЕРС

(рыдает).

А можно... я закажу себе...

БЛЕСИК.

Тоже курочку, небось?

КЕСТЕРС.

Всё, что угодно... Всё, что угодно, только не ЭТО.

БЛЕСИК.

Чёрт бы побрал эту вашу основательность... Она может испортить аппетит, курица ли окажется на блюде, откормленная кайзеровскими бутербродами на заднем дворе этого сарая;

Или на блюде окажется голодная и замученная смерть... Дело в священнодействии, которым обставлены ритуалы еды и гибели, вы же хотите перещеголять итальяшек с мусью — вместе взятых.

Пауза.

НЕТТЛИНГЕР.

И всё таки я закажу себе курочку... И вам советую сделать то же самое. Всем, всем по курочке!

РОБЕРТ.

Зачем это?

НЕТТЛИНГЕР.

Я надеюсь, что столь подробная трапеза хоть немного отвлечёт почтеннейшую публику от этой дурацкой игры. Должен же быть, чёрт возьми, хоть какой-то порядок! Мы, чёрт возьми, в Германии, и не важно, проиграли мы войну, или нет, мы её, в конце концов, красиво проиграли; неважно, взорвали мы аббатство, или нет, это в конце концов был красивый взрыв, и мне плевать, сколько потом вытащили от туда монахов, - они-то, слава Богу, попадут в Рай, они все разом проделали этот славный путь, о котором всю жизнь мечтали, они прокладывали себе этот путь своими никому не нужными жизнями, так поздравим их, господи! И неизвестно вообще, за кого они молились, когда нашему гордому орлу, щелкнули по железному клюву сначала под Москвой, потом под Сталинградом, а потом пошло – поехало. Налейтесь до краёв это своей русской водкой, без которой вы жить не можете, за немецких, немцами же взорванных отроков, или как их там, нам-то, здесь присутствующим, как это не печально, придётся путешествовать совсем в другую, так сказать, вертикаль.

Так что я бы на вашем месте не отказывался от такого деликатеса, как курочка с датой своего гильотинирования: ей Богу, лично я себе с некоторых пор ни в чём не отказываю.

Роберт наливает себе, выпивает, и вяло аплодирует. Пауза.

БЛЕСИК.

Подъём генерал. Нам надо пойти погулять.

КЕСТЕРС.

Вы собираетесь пойти погулять?

БЛЕСИК.

Да, да. Вставай.

КЕСТЕРС.

Сегодня такой прекрасный вечер...Мне ведь разрешено выходить, правда?

БЛЕСИК.

Конечно, конечно. Тебе разрешено. *(Понижает голос.)*

Только не затыкай уши, выстрел будет не такой уж и громкий. Тебе покажется, что лопнул воздушный шарик и запомни, запомни и как-нибудь умудрись забрать это с собой: сегодня канун пятнадцатого воскресенья после троицына дня...

Генерал Отто Кестерс медленно встаёт и марширует на месте.

КЕСТЕРС.

С Гинденбургом вперёд! Ура! Сектор обстрела! Обеспечьте мне сектор обстрела для третьей армии!

РОБЕРТ

(вскакивает и вытягивает руку в фашистском приветствии).

Слушаюсь, генерал! Будет исполнено, генерал! Всё взорвать, генерал! Мы ведь никогда не признаем себе в собственном безумии? Я, например, не собираюсь. И вообще, в этой стране вы не найдёте человека, себя не уважающего. Стены – это всего лишь стены, Германия – это всего лишь Германия, что нам до неё? Взрывайте эту дрянь, и всё встанет на своё место!

(Подбирается к Неттлингеру, обнимает его за плечо.)

А когда с нами родное гестапо, нам вообще на всех наплевать, уж эта служба не привыкла церемониться ни с какими святыми, правда, дружище? Нам вообще ни хрена не страшно, да нам и не бывало страшно, правда? Зик!

НЕТТЛИНГЕР

(едва заметно освобождается).

Как вам будет угодно, господин доктор.

КЕСТЕРС

(орёт).

Ха-а-а-ль!!!

РОБЕРТ

(декламирует).

«Вас, как святых, народ германский чтит,
Но наше сердце о сынах скорбит».

Всё. Племя варваров, сожравшее великий Рим. Ауфидерзейн.

Пауза. Генерал Кестерс и старуха Блесик удаляются. В открытое окно, сквозь развивающиеся занавески, как будто заглядывает лунный силуэт башни святого Северина.

РОБЕРТ.

Отец... Я бы с удовольствием подарил тебе что-нибудь в день твоего восьмидесятилетия... Я хотел сказать. Ты, наверное, сам знаешь, что я хочу тебе сказать.

ГЕНРИХ.

Знаю. Можешь не говорить.

РОБЕРТ.

Поздно, папа, поздно... Ради тебя я бы с удовольствием проронил несколько скупых слёз, слёз раскаяния, но нет их у меня, и не было. Башня святого Северина кажется мне добычей. Мне искренне жаль, что аббатство святого Антония было детищем твоей юности, и ты его хорошо построил, папа, мне едва хватило одного грузовика взрывчатки, одного единственного грузовика.

Помнится, я обошёл всю эту божескую богадельню, и повсюду начертил свои формулы на стенах, на колоннах, на опорах свода, X, Y, Z; X, Y Z...

Я начертил их между ногой святого Иоанна и святого Петра; я вырисовывал их небывалой тщательностью, потому что знал, какая на мне лежит ответственность, и догадывался, КТО на меня её возложил...

А рядом со мной стоял отец настоятель... Он взывал к моему разуму, он умолял меня не упражняться в этой сатанинской графике, он стоял передо мной на коленях и рыдал, как ребёнок...

Слышишь, отец? Как ребёнок.

ГЕНРИХ.

Слышу, сынок, мне отсюда хорошо тебя слышно. И видно.

РОБЕРТ.

Он ведь не знал... Он не знал, что я пацаном приезжал с тобой к ним в гости, ел их форель и пил их мёд; он смотрел на меня, как на безумного, и глаза его светились сквозь слёзы, и монахи так и не ушли из монастыря, они дали похоронить себя под этими стенами, но Йозеф, твой внук и мой сын Йозеф, так и не дал им истлеть до конца в этой братской могиле, чем он лучше меня?

А потом я поджидал новую добычу, я ждал её, затаив дыхание, слушая биение своего сердца, мысленно выцеливая её с разных позиций – с фронта, с воздуха, из-под земли. (Внимательно смотрит на отца.) Нихт фирштейн? Ну и ладно.

ГЕНРИХ.

Ну и что же, сынок? Что помешало тебе взять её?

Пауза. Роберт с характерным для стрелка прищуром смотрит на башню.

РОБЕРТ.

Ах, да. Дальше было вот что, но это уже не столь интересно: я попал в плен, папа, а потом за этим столом, за этим самым столом меня допрашивал вон тот господин с курицей во рту, наверное, союзническая армия пригласила его в качестве специалиста по допросам. Правда, господин Неттлингер?

НЕТТЛИНГЕР

(равнодушно продолжает трапезу).

А ведь и в самом деле, это вполне мог быть и я. Вы говорите – за этим самым столом, господин доктор? *(Ковыряет вилкой стол.)*

Возможно. А может быть, это другой стол, вполне возможно, что допрашивал вас не я. Но лучше бы вы об этом не вспоминали, господин доктор. Кому они нужны, эти наши воспоминания?

Выстрел. Пауза.

ЛЕОНОРА.

Боже мой... По-моему, это был выстрел.

Пауза.

ГЕНРИХ.

Не беспокойтесь, Леонора, дитя моё... Господин директор обещал фейерверк в мою честь, наверное, это первая хлопушка. Кроме того, сегодня кругом банкеты левых и правых оппозиций, посвящённые кануну пятнадцатого воскресения троицыного дня.

НЕТТЛИНГЕР.

Да нет, господин тайный советник, не будем утешать себя банкетами и оппозициями, в конце концов, нам наплевать и на то и на другое. Лично меня настораживает канун этого культового праздника, как, то бишь, его? В общем, какой-то из канонических канунов левой или правой оппозиций.

Так что давайте отдавать себе отчёт в это мирное время – мы слышали выстрел.

РОБЕРТ

(наливает водки себе и Неттлингеру).

Стрельба – это хорошо... Перемирия раздражают... Если бы человечество постоянно не воевало, оно бы исчезло само по себе. Извелось... Испарилось... Не было бы этой звёздной карты с красными и голубыми планетами, млечными путями и чёрными дырами, во Вселенной была бы пустота, полное небытие... А так – сплошные драки, на земле, в её бесконечных адских недрах, и в небесах – там бьются ангелы, разбивая друг друга то белыми, то чёрными крылами, а нынче время такое -, - крылья черно-белые, и доска разбивается на доли.

А представляете, дамы и господа, если бы прогремел гром небесный, и нам, на наши окаянные фашистские головы, свалилась бы эта тёмно-серая башня... Уверен, это событие вывело бы нас из этого идиотского оцепенения...

Стоп, Гуго... Где Гуго?!

ЛЕОНОРА.

Его нет, Роберт.

РОБЕРТ.

И где же он, чёрт вас всех возьми?!

КАРТИНА 37

Распахиваются двери, Директор, Иохен и Гуго завозят на тележке гроб, накрытый траурным сукном, на котором покоится фуражка генерала Кестерса.

РОБЕРТ.

Вот вам и канун чего-то там. Парад алле. Алеллуя.

ДИРЕКТОР.

Секундочку, господа. Второй раз за день я рискую привлечь ваше драгоценное внимание, господин тайный советник, к нашему скромному подарку. Мы чрезвычайно рады, господин тайный советник, что вы постоянно читаете наше скромное заведение своим присутствием, и даже столь громкую дату вы решили отметить у нас. Я уверен, что ваш юбилей - это событие для всей Германии. Мы надеемся ещё долгие годы лицезреть Вас в своей тихой обители, и поверьте, чем это будет дольше продолжаться, тем для Германии лучше, да и для всех нас, что времена, господин тайный советник? Стенам «Принца Генриха» времена не страшны, главное, чтобы не изменились мы, и была Германия.

Леонора подбегает к Директору.

ЛЕОНОРА.

Вы...Вы в своём уме?!

Иохен достаточно жёстко берёт её под руку и отводит в сторону.

ИОХЕН.

Душечка моя, в отношении тебя я позволю себе сделать одно замечание личного характера: на своём веку я перевидал немало девиц, которые входили в эту дверь, но они были не такие, как ты: тебе здесь не место, и я, и господин тайный советник, оба годимся тебе в прадеды, и ты не обижайся: просто в этом разбойничьем вертепе таким, как ты, делать нечего, возьми хлебушек, и рассыпай крошки, чтобы найти дорогу обратно; ты заблудилась детка, у тех, кто ходит сюда по служебным делам, совсем другой вид, а у тех, у кого личные дела, и подавно: подлети ближе, моя птичка, и не трепыхайся, хоть я и помоложе господина тайного советника, но силы на исходе, поверь мне, детка...

К этому моменту Неттлингер дожёвывает свою курицу, вынимает из нагрудного кармана платок, протирает рот, руки, швыряет его под стол, берёт Директора за шиворот и оттаскивает его в сторону.

НЕТТЛИНГЕР.

Пора побеседовать нам о трупах в вашем заведении, господин директор.

ДИРЕКТОР

(как будто это уже и не он).

Вы ничего не понимаете. Такого рода скандалы в один миг поднимают престиж отеля на немислимую высоту! Все газеты пестрят гигантскими заголовками! Убийство – отнюдь не то же самое, что самоубийство! А политическое убийство, это не просто какое-нибудь там обыкновенное убийство. Если он даже и не умер, что мы всегда сделаем вид, что он при смерти, и в газетах обязательно должно быть объявлено: «положение больного безнадежно». Всех, кто звонит по телефону, немедленно соединяйте со мной, а то вы обязательно что-нибудь, да и пропустите, а потом себе этого никогда не простите!

НЕТТЛИНГЕР

(встряхивает его, как куклу).

Я пропущу?! Будьте покойны, я никогда ещё ничего не пропустил. И ни кого не выпустил – если меня, конечно, не заставляли обстоятельства – пакт о капитуляции, например. К тому же это – убийство, а не самоубийство. Может, и политическое, чёрт с ней, с политикой. Чем хороша война, там не бывает никаких политических убийств, потому что политики превращаются в такое же пушечное мясо, как весь остальной сброд на этой проклятой земле.

Пауза.

РОБЕРТ.

А что это у вас у всех с лицами, господа? Они как будто не выражают ни ужаса, ни сожаления... Будьте сдержаны, изобразите что-нибудь на своих физиономиях, скажем, лёгкую грусть, как люди, которые оплакивают покойника, но собираются повеселиться за дележом наследства.

Заранее помянем Германию, господа. Она умрёт, когда в какой-нибудь тихой харчевне, какая-нибудь «посланница оттуда» заставит пристрелить себя последнего ненормального рубаку.

(Подходит ко гробу, располагается на нём с водкой и стаканом.)

Прощай, герой! Помянем героев. Как сказал этот обнюхавшийся кокаина еврей, кажется его звали Зигмунд, «герой тот, кто восстаёт», даже если он восстаёт против того, что называется этим громким и очень ёмким словом «вера». *(Вытывает.)*

Гуго, сынок, собирайся, только быстро, мы уезжаем прямо сейчас. Дадим повод поразмыслить фрау Леоноре.

ГУГО.

Хорошо, господин доктор. Спасибо, господин доктор.

ГЕНРИХ.

Секундочку, господа, кто остался, не расходитесь.

Генрих Фемель медленно поднимается со своего места, подходит ко гробу, не глядя на Иохена, нахлобучивает на него лежащую на гробе генеральскую фуражку, срывает гвардейский флаг со свастики. Стоит, поражённый.

ДИРЕКТОР.

Этот торт, господин тайный советник, точная копия аббатства святого Антония. Лучшие кулинары города неделю корпели над ним: они даже призвали на помощь архитектора, взгляните – настоящее произведение искусства.

А это, обратите внимание, господин тайный советник, башня святого Северина со своей неизменной полуночной лунной тенью, которая, как любит шутить ваш сын, непременно укажет нам, грешным мира сего, путь в чистилище.

Генрих Фемель, некоторое время, постояв над тортом, отламывает башню святого Северина, подходит к Роберту и кладёт кусок торта ему на тарелку.

ГЕНРИХ.

Всё, что могу, сынок. Всё, что могу.

Пауза.

НЕТТЛИНГЕР.

А где, чёрт бы вас всех побрал, генерал Отто Кестерс?! *(Срывает фуражку с головы Иохена и сотрясает ей у носа Директора.)*

ДИРЕКТОР.

А, генерал? Он застрелился. Прямо у себя в номере.

ИОХЕН.

Да нет же, господин директор, его застрелила Овечья Жрица. С как раз проходил мимо его двери, и слышал, как они там препирались. Он сам попросил его застрелить, потому что очень не хотел попасть в разряд самоубийц, то есть слетать туда, куда указывает башня святого Северина, а кто ему об этом сказал, так это единственный присутствующий здесь патриот, - господин доктор Роберт Фемель.

НЕТТЛИНГЕР

(явно заставляет себя сдержаться).

Говорите, говорите, старина.

ИОХЕН.

Глупец был этот генерал! Неужели он думал, что пустить себе пулю в лоб, или кого-то об этом попросить – пусть она трижды жрица и четырежды овца. Разницы нет, вы уж поверьте мне старику, изо дня в день, вот уже сколько лет, ухаживающему за древнеримскими могилами!

А вот, кстати, и его мятежный дух.

НЕТТЛИНГЕР.

Чей, черт меня дернул?!

ИОХЕН.

Генерала. Слышите? Хлопнула дверь, вот он зависает над нами, разве вы не видите? Слепцы, попадёте вы в яму. А вот сейчас главный номер нашей программы – он пролетает в окно, потом прямо в тени – и к чертям собачьим...

Иохен бросается к окну, и едва из него не вываливается.

Прощай, генерал! В аду нет ничего страшного, со временем, а у тебя его будет предостаточно, ко всему можно привыкнуть... К тому же это не навсегда – отвратительно думать, что грешник и дьявол вечно смеются над благим помыслом Творца. *(Оборачивается ко всем.)* Правда, дама и господа?

ДИРЕКТОР
(Иохену).

Идём со мной, старик.

ИОХЕН.

Куда это?

ДИРЕКТОР.

Нам надо упаковывать мешки с телеграммами.

ИОХЕН.

Какими такими телеграммами?

ДИРЕКТОР.

С просьбами забронировать номер.

Иохен и Директор уходят. Генрих Фемель берёт под руку Леонору, отводит её к выходу.

ГЕНРИХ.

Роберт, передай, пожалуйста, господину директору мою искреннюю благодарность за внимание и скажи ему, что важные события вынуждают меня... к сожалению вынуждают меня отказаться от завтраков в «Принц Генрих». Важные события. Мы с фрау Леонорой уезжаем.

Пауза.

РОБЕРТ.

Леонора?

ЛЕОНОРА.

Да, Роберт.

ГЕНРИХ.

Моя вина, Роберт, моя величайшая вина... Не забывай нас, сынок.

КАРТИНА 38

Роберт – Неттлингер.

Старик Фемель с Леонорой покидают отель, Роберт и Неттлингер остаются один на один.

РОБЕРТ.

«Нет повести печальнее на свете».

НЕТТЛИНГЕР.

Да уж. Ромео, я так понимаю, господин тайный советник. Век живи, век учись. Прямо как из учебника этого жида Фрейда.

РОБЕРТ.

Отрежьте себе какой-нибудь куполок этого мёртвого храма, господин Неттлингер, а башню я съем сам. Так будет справедливо. *(Рассматривает свой кусок.)*
Вот они. Преимущества неоготического стиля.

НЕТТЛИНГЕР.

Спасибо, не хочу.

РОБЕРТ
(поедает торт).

Я вот думаю – поменяй нас тогда местами, и не ты направлял бы мне луч в лицо, а я тебе – изменилось бы что-нибудь, или нет?

НЕТТЛИНГЕР.

Никто не знает правды.

РОБЕРТ.

Жаль генерала?

НЕТТЛИНГЕР.

А вам?

РОБЕРТ.

Очень. Как он отдавал приказы! А как маршировал! Всё-таки в Германии самые лучшие марши. Старая школа, кресты – свои, чужие... Кто бы мог подумать, что эта бешеная овца так лихо свалит буйвола, нет, ничего нет страшнее этой бешеной овцы.

НЕТТЛИНГЕР.

Ну ладно. Овца явно за вас. Хотя она только с виду – овца.

РОБЕРТ.

Это точно. Однако чего нам здесь устраивать этот стриптиз нравственных законов и звёздного неба, давай снимем этот ореол времён и вспомним. Вспомним времена, когда ты называл себя вспомогательной полицией. Меня случайно схватили во время облавы на нищих – мы ведь, кажется, тогда имели счастье познакомиться?

НЕТТЛИНГЕР.

Точно.

РОБЕРТ.

Ты, кажется, упражнялся на моей спине бичом из колючей проволоки, ты спрашивал, нищий ли я, и я отвечал: да, нищий. Помнишь?

НЕТТЛИНГЕР.

Нет, господин доктор. И попробуйте убедить меня, что я лгу.

РОБЕРТ.

Тогда я хлопну рюмку водки и направлю тебе свет в лицо.

НЕТТЛИНГЕР.

Валяйте.

РОБЕРТ.

Зачем ты искал меня?

Пауза.

НЕТТЛИНГЕР.

Надо поговорить.

РОБЕРТ.

Понимаю. Надо излить душу. Так сказать, объясниться с собственной совестью.

НЕТТЛИНГЕР.

Просто поговорить.

РОБЕРТ.

Но о чём, дружище? Ты же ничего не помнишь?

НЕТТЛИНГЕР.

Да, сработал профессиональный рефлекс. Сам себе засветил плёнку.

РОБЕРТ.

То же суицид. В этой точке земли случайных визитов не бывает. Но ты же помнишь бич из колючей проволоки? Ты же помнишь этот стол после взрыва аббатства, когда я вернулся из плена?

НЕТТЛИНГЕР.

Вы бы предпочли, чтобы я убил вас тогда, господин доктор?

Пауза.

РОБЕРТ.

Я предпочитаю, чтобы ты съел купол и запил его водкой, я же сделаю с точностью до наоборот: выпью водки и заем её башней. Одновременный реквием по святому Антонию, и песнь святому Северину.

Пьют, закусывают.

Ну вот. Это – малая компенсация нашему дурацкому положению. Никакого порядка, правда? Хотят стреляются, хотят – стреляют. Гуго. Гуго! Ты готов?

КАРТИНА 39

Врывается старуха Блесик, начинает колотить в ту дверь, за которой скрылся Гуго.

БЛЕСИК.

Открой, Гуго, открой же!

ГУГО

(из-за двери).

Не открою.

БЛЕСИК.

Я тебе приказываю!

ГУГО.

Уже четверть часа, как я не являюсь служащим отеля, сударыня.

БЛЕСИК.

Ты уходишь?

ГУГО.

Да.

БЛЕСИК.

Куда?

ГУГО.

Я уйду к своему отцу.

БЛЕСИК.

Открой, Гуго, открой же, я тебе ничего не сделаю, я не буду тебя больше пугать, ты не должен уходить, я знаю, что у тебя нет отца, я это точно знаю, ты нужен мне, Гуго... Ты тот, кого они ждут, Гуго, ты увидишь мир и все они падут перед тобой ниц в самых шикарных отелях, тебе не надо будет ничего говорить, только быть со мной, твоё лицо, Гуго... иди сюда, открой, ты не можешь уйти!

Я прошу тебя не ради себя, Гуго, забудь всё, что я говорила и делала, я была в отчаянии... выйди ко мне ради них... Они ждут тебя, ты наш агнец...

РОБЕРТ

(Неттлингеру).

По-моему, нам пора кончать эту комедию, следует вспомнить о долгах.

НЕТТЛИНГЕР.

Чёрт меня возьми, я и о долгах забыл. Может, как-нибудь потом вспомню?

РОБЕРТ.

Нет, дружище, мне ты ничего не должен, если ты за этим пришёл. Так что напрягись, и вспомни о единственном своём долге – служебном.

Роберт встаёт и подходит к двери, о которую бьётся Овечья Жрица.

БЛЕСИК
(*Роберту*).

Что вам здесь нужно?

РОБЕРТ.

Мне нужен мой сын.

БЛЕСИК.

Гуго ваш сын?

РОБЕРТ.

Да. Открой, Гуго.

Выходит Гуго.

Пошли, сынок, нам пора.

Пауза.

Гуго. Да, отец, я иду.

РОБЕРТ.

У тебя больше нет вещей?

ГУГО.

Нет.

РОБЕРТ.

Пошли. (*Блесик, Неттлингеру.*)

Дамы и господа! Желаю вам прикончить этот вечер.

Уходят.

НЕТТЛИНГЕР.

Собирайтесь, фрау жрица.

Я покажу вам место, где лежит большая, пухлая книга. Средневековый, знаете ли, трактат, под хитрым названием «Молот ведьм». Старая, но не устаревшая инструкция по уничтожению.

Старуха Блесик медленно подходит ко гробу с тортом.

БЛЕСИК.

Это что ещё такое?

НЕТТЛИНГЕР.

Очень смешная история, фрау жрица. Здесь все решили, что директор с Иохеном прикатали гроб с убиенным вами генералом Кестерсом старику Фемелю в подарок на день рождения, но это оказалось аббатство святого Антония, которое с таким старанием строил старший Фемель, и с такой тщательностью взорвал младший. Я думаю – лучше бы на этой тележке лежал генерал. Обратите внимание, фрау жрица, там нет башни святого Северина, видите?

БЛЕСИК.

Да, её нет. Где она?

НЕТТЛИНГЕР.

Она таки досталась Роберту, его мечта убрать её с лица земли отчасти материализовалась: нынче он получил возможность её съесть.

БЛЕСИК.

Чёрт с ней, с башней, вон она, как торчала, так и торчит, а что за книга?

НЕТТЛИНГЕР.

Шедевр! Её написали два известных некогда два отца настоятеля: Шпенгер и Инститорис. Там есть разные забавные главы: «О способе, коим ведьмы переносятся с место на место»; «О средствах выполнения святотатственной профессии»; «О способе, коим ведьмы предаются демонам и инкубам»...

Старуха Блесик выхватывает здоровенный кусок торта и направляется с ним к Неттлингеру.

«О способе, коим ведьмы лишают мужчин полового члена»; бррр, но главное, там есть глава: «Как с помощью признаний оных под лютыми пытками узнавать тайны их мерзкого колдовства».

Старуха Блесик надевает кусок торта на голову Неттлингеру и долго замуровывает ему лицо.

БЛЕСИК.

Вы не страдаете приступами клаустрофобии, молодой человек? Отвечайте!

НЕТТЛИНГЕР.

Нет, не страдаю.

БЛЕСИК.

Тогда постарайтесь вспомнить: нет ли в вашей заветной инструкции главы о целебной маске из редких и очень дорогих компонентов? Отвечайте!

НЕТТЛИНГЕР.

Нет.

БЛЕСИК.

Так мы напишем. А пока посидите тут немного, потом суньте голову в кипяток, вы вновь станете чистым и невинным, каким были в детстве...Вы же когда-то были ребёнком, господин сыщик? И вас, наверное, очень не любила ваша мама...

Но если вы двинетесь с места раньше, чем через пятнадцать минут, я превращу вас в дермо пополам с целебным кремом. Ауфидерзейн, господин сыщик.

Овечья Жрица покидает отель.

Картина 40

Бар. Из бильярдной поднимаются Йозеф и Марианна.

ЙОЗЕФ

(рассматривает Неттлингера).

Простите, здесь банкет по поводу юбилея тайного советника Генриха Фемеля?

НЕТТЛИНГЕР.

Да, закончился.

МАРИАННА.

Может быть, вызвать врача? Мне кажется, у вас что-то с лицом.

НЕТТЛИНГЕР.

Нет, спасибо, оно у меня такое с детства.
Она ещё здесь?

ЙОЗЕФ.

Кто?

НЕТТЛИНГЕР.

Овечья Жрица.

МАРИАННА.

Овечья Жрица?

НЕТТЛИНГЕР.

Да, да. Здесь у нас всё, а в старой немецкой сказке, со злыми гномами и добрыми колдуньями. Не верите?

МАРИАННА.

Охотно верю.

НЕТТЛИНГЕР.

Вот видите. А я посижу ещё четверть часа, суну башку в кипяток, и уйду ко всем чертям. Но не раньше, чем через четверть часа.

МАРИАННА.

Может быть, всё-таки вам помочь?

НЕТТЛИНГЕР

(протирает себе глаз, и смотрит на часы).

Ничего, осталось немного. Спасибо.

ЙОЗЕФ.

За что?

НЕТТЛИНГЕР.

За участие.

МАРИАННА.

Прощайте. И не забудьте: по лестнице вниз, и сразу направо. Здесь легко можно заблудиться.

Йозеф и Марианна уходят, Неттлингер застывает в ожидании отпущенного ему срока.

Картина 41

Откуда-то из недр отеля появляется старик Иохен со свечой.

ИОХЕН.

А здесь, дамы и господа, лестница, сооружённая во втором веке; здесь термы, построенные в четвёртом веке, взгляните вниз: на этих плитах из песчаника стражники, нацарапав квадратики, играли со скуки в «мельницу», а вот восточный желоб, по этому серому желобу стекало древнеримское дерьмо, в древнеримскую канаву...

Чу! Слышите проклятия германских рабов?

По их золотистым бровям пот стекал прямо на белые лица, увлажнял светло русые бороды; губы варваров произносили проклятия, которые звучали, как стихи:

«Наша красная кровь отошьётся мерзейшему племени римлян по воле Вотана.
Проклятье, проклятье, проклятье...»

Чутьточку терпения, дамы и господа, осталось ещё несколько шагов, взгляните сюда: вот и цель нашего путешествия – древнеримские детские гробницы... Откуда я всё это знаю? Видел. Я ни черта не помню, что было двадцать лет назад, но хорошо помню, что было тогда... В те славные времена здесь вообще ни черта не было.

«Жестокий рок поражает родителей,
Когда быстрая, слишком быстрая смерть уносит их ребёнка...
Но в скорби о юном создании,
которое вкушает сейчас райское блаженство, нам несёт утешение вечная надежда...
Шести лет и девяти месяцев от роду был погребён под этим могильным холмиком ты,
старик Иохен...»

Иохен склоняется над крохотным могильным холмиком, громко рыдает, встаёт и упирается в грудь Директору, освещает свечой его странное лицо.

А! Вот и сам... Кто-то уже спрашивал, здравствуй, Иохен, а где же САМ? И думалось мне, почему же никто не спросил: здравствуй САМ, а где же Иохен? Где она, в этой тьме, справедливость? Ты кто, собственно, такой?

ДИРЕКТОР

Пойдём, сумасшедший старик, я налью тебе римского вина, оно для нас, как молоко матерей. Угостим варваров, которые только и делают, что распевают: «проклятье, проклятье. Проклятье...»

Начинай считать ступени, старец, дальше – провал.

Спускаются в подземелье со свечами в руках.

ИОХЕН.

Кто бы мне говорил, что там – провал. Видишь эту белую поперечину в стене? Когда-то по этой черте проходил уровень земли... Зачем убивать тиранов, скажите на милость? Надо убивать самых, что ни на есть приличных господ...

Голос Иохена удаляется в подземелье, свет пламени свечей ослабевает, исчезает вовсе...

Пощадите тиранов! Нет в мире более одиноких и несчастных людей, а они почему-то торчат внизу, что ж, сегодня плюнем на всё и споём на похоронах по третьему разряду...

(Поёт, рыдая.)

Пощадите тиранов, пощадите тиранов, пощадите тиранов...

Алексей Дэлль-Василевский: